

ОТДѢЛЪ VII. Разказы, письма и прочее.

А. ОрнинѢ.

Tāta·m ul'ni·ś lāmi·za Štāpa·n; ava·m ul'ni·ś Aga lā·miza. Mīni·k ul'ni·śt tātān ā·jdīnza śi·śim, ka·fty éorat, vāti tā·χtīft. Tā·χtīr'χnā ko·lmytnā kuly·śt vi·škiñista, a ka·fty tāχtīr'χnā liśst mi·rdīnīn mī·ñciñik vālis. Vā·χkiñ lā·miza Agra (pokš sa·zyr), Mañi·ś Fe·dāñiñ urva·ks liśc; o·mboceñt lā·miza Luba, Fedot Sajuškinnyñ toža urva·ks liśś. A mīñ vi·ška braty·ñ ma·rta kadu·vi·ñik. Ava·m kuly·ś tāχti·r'χniñ ma·ksymady i·kilij. No mon urva·kstufan avañ pi·ngsta eščo. Koža·jka saji·ñ Šmīrka·ñ Filā·ñ tā·χtif, lāmi·za Matrōna. Koda mīñ tātān ma·rta kadu·vi·ñik, to braty·m řadym juta·myda mā·jlā kuly·ś. Braty·m lā·miza ul'ni·ś Pa·vyl. Kuly·ś kāmga·uksuva go·ca. Son kuly·ś kyk ra·z še go·c-

Отцу моему было имя Степанъ; матери моей было имя Агаоія. Насъ было у отца семеро дѣтей, два сына, пять дочерей. Три дочери померли въ маломъ возрастѣ, а двѣ дочери вышли за мужъ въ нашемъ селѣ. Одной имя Аграфена (старшая сестра), она вышла за Мартемьяна Федорова; другой имя Любовь, тоже вышла за мужъ за Федота Саюшкина. А мы остались вмѣстѣ съ малымъ братомъ. Мать моя умерла до выдачи за мужъ дочерей. Но я женился еще при жизни матушки. Въ жены я взялъ дочь Филиппа Спиридонова, по имени Матрѣну. Когда мы остались вмѣстѣ съ отцомъ, то братъ мой померъ, послѣ того какъ прошелъ мой призывной возрастъ. Брату моему было имя Павелъ. Онъ умеръ двѣнадцати лѣтъ. Онъ

téńt, koda· moda·ńt jaųşy·ż od duşc. Tafa·m eşco iki·lā kuly·ś. Mi·ńik ulńis vāųkā alaşa·nyk, nilińgāmiń cē·lkovej tajiś. Ramši·ńik Zaųaro·ųkasta, mĩńik ājsta ko·mś valǵijbā. I tafa·m še a·la·şańt pola·ftyžā, sajs ala·şa poųu·ży i sajs přída·ča ve·jksa cē·lko·vyųt. Pola·ftyf a·laşaś ulńi·ś kaşa·ndyca, tak šty mĩń kadu·vińik ja·lga. Še ala·şańt eşco vāşt tātam pola·ftyžā i sajs eşco přída·ča (laskś) ko·lma cē·lkovyųt i ala·şa sajs šedija·k beřāń. Loma·tt karma·št pā·jdĩnā i ko·rtet: tarųa·n, tarųa·n, tarųa·n. Šteųpor karma·št mēre·mā tānza· tarųa·n, a moń Tarųanyń Va·ška. Toųda· kak ama·štuvā ala·şaś robota·ms, mĩń sonza mĩ·jińik ėigan·nyń za tĩ rubla· i kadu·vińik alaşa·ftyma. Ulńi·ś poşe·venēk ėaċk So·kōrskyj dĩaċo·kēńte, i alaşafty·ma mĩń ģe mogli·sury·ńt purna·myuza. Mo·leńēk lomań alaşa·sa pi·feymanųa ro·žeńt. Dĩaċo·kēńt pĩřisa ulńi·ś ro·žeś i to·sy pi·feyńik. Olgē·ńt tafa·m mĩ·ji·žā ko·klaćĩń i jarma·kĩń saji·ńųā i zagula·lcy, vĩa·s řĩřĩńųā. Rože·ńt dĩaċo·kēńt u·tums talika·nyk ka·jińik. Mon mo·leń

померъ какъ разъ въ тотъ годъ, когда раздѣлили землю на новыя души. Отецъ мой померъ еще раньше. У насъ была одна лошадь, она стоила сорокъ рублей. Мы купили ее въ Захаровкѣ, отъ насъ въ двадцати верстахъ. И отецъ ту лошадь промѣнялъ, взялъ лошадь похуже и взялъ въ придачу девять рублей. Смѣнная лошадь была съ поровомъ, такъ что мы остались пѣшими. Ту лошадь еще разъ батюшка смѣнилъ и взялъ еще въ придачу три рубля и лошадь онъ взялъ еще худшую. Люди стали смѣяться и говорить: тарханъ, тарханъ, тарханъ. Съ тѣхъ поръ стали называть его тарханомъ, а меня Василиемъ Тархановымъ. Такъ какъ лошадь не могла работать, мы продали ее за три рубля цыгану и остались безъ лошади. У насъ былъ посѣвъ испольный съ Сокурскимъ дьячкомъ, и безъ лошади мы не могли убрать хлѣбъ. Мы отправились молотить на чужой лошади. Рожъ былъ на гумнѣ дьячка, и тамъ мы молотили. Солому отецъ продалъ хохлу и взялъ деньги и загулялъ, пропилъ ихъ. Нашу долю ржи мы ссыпали въ амбаръ

mēlga-nza So-kōrskyj ka-baks. Son tosa·ši-mā vina-da. — «Adā., mēran, tāta-j kudu-ŋ». A son mēā.: «ali ton moŋ tona-ŋtymyn ka-rniŋ? Mon vēd' toŋ tāta-t», i karma-s pozy-ŋama i ča-viŋiŋ. I miŋ tuji-niŋ kudu-ŋ lopaŋi-ŋt ma-rta, a son kadu-ŋs So-kōrc ka-baks. Poto-m ombōce čy-nā so-n gak saš i vāši paryčynyk kaŋnižā za-klac vinaŋ ġi-s: pola-tka kané i sošni-kat, pali-ča, pā-li-ma, počt mē-šek, kandyŋžā vāχkā pra-sylnyŋ, ko-naŋ lāni-za ulni-s Ča-lyjiŋ Što-pka. Nu mon raŋga-n i koža-jkam ra-ŋgā, a braty-m ulni-s bestolko-voj. Son ŋe poŋima-l, šty souše-m miŋ rozōra·viŋiŋ. Moŋ lomāt tona-ŋtymiz: «stupa-j ža-lyvujši ŋra-d-niŋniŋ, potomušta zakla-d saji-mš ŋe polaga-jetca vina-ŋgis». Mon mole-ŋ ŋra-dniŋiŋti, kona·sluča-jna sa-kšnyš mi-niŋ vā-lis, i jo-ftēŋ ŋra-dniŋiŋti. Son mērc: «ja rasleduju eta dēla». Šesk ŋra-d-niŋiŋs molé i māžija-k vēšča-t zakladno-χt āž mu-k. Poto-m mon mole-ŋ čō-fŋaŋ, obješni-l ataŋni-niŋ. Ataŋnā mē-rcēt moŋāŋ, što tāta-t nažy-vižā pary-čyŋt, sonza·i volā-s pary-čyŋt la-ŋksa, koč

блячка. Я пошелъ за нимъ въ Сокурскій кабакъ. Онъ тамъ пьетъ вино. — «Ступай, говорю, батюшка, домой». А онъ говоритъ: «ли ты началъ учить меня? Вѣдь я твой отецъ», и началъ меня позорить и побилъ меня. И мы отправились домой съ человѣкомъ, а онъ остался въ Сокурѣ въ кабакѣ. Потомъ на другой день пришелъ и онъ и понесъ всё имущество въ закладъ за вино: отнесъ палатку и сошники, палицу, косу, мѣшекъ муки, отнесъ это одному прасолу, которому было имя Стѣпка Чалый. Ну, я плачу и жена моя плачетъ, а братъ мой былъ безтолковый. Онъ не понималъ, что мы совсѣмъ разорились. Меня научили люди: «ступай жалѣйся уряднику, потому что не полагается брать закладъ за вино». Я пошелъ къ уряднику, который случайно прибылъ въ наше село, и рассказалъ уряднику. Онъ сказалъ: «я разслѣдую это дѣло». Тотчасъ же урядникъ пошелъ и ни одной заложенной вещи не нашелъ. Потомъ я ходилъ въ контору, объяснилъ старикамъ. Старики сказали мнѣ, что твой отецъ нажилъ имущество, его и воля

xočet, toq i täjsy. Mon me-reñ: «ka-kžy, da-jtä monä-n xoža-j-stvanť, a to täta-m ku-dyñť ka-k mi-sy i ši-msy. Mon gadu-van kudyfty-ma», a syn monän otveča-šť, šty ješli čora-t karma-tana xoža-jinxs ara-fniñä, to aťatni-niñ nelžä- ulä- ära-ms. Mon me-řa-n: «vet šezdeša-t ruble-j kasa täta-n lařksa. Ki žy pancy?» A syn merčť: «toñć kak pa-ncak, ton oda-t eščo». Mon tuji-n kudu-ř a-vařdiž. Sy-n kudu-ř. Täta-m kudyñť äjsa, mi-kšnä Pa-liťniñ i mi-jizä za trina-cat ruble-j. Jarma-kniñ mon karñi-n täta-n kecta väšymist. Son i-řićta, ama-ksä ä-jsyst. Mon karñi-n nä-lgi-mä. Soñ de-šet ruble-j makssä, a tři rubla- sa-jiš äšťanza i tujiš ma-ryst ka-bakoř i šiñiñžä vinas. Mon de-šet ruble-jeñť sa-jinä da eščo do-boveñ de-šet ruble-j i rañi-n kuda- za so-rok ruble-j: komš celko-voj maksyn zada-tka, a komš dolks, do-lžen ka-duviñ. Tätam ši-vić robo-tnekeks Šmirkiñka-niñ vädžaniñ celko-vyjďä i peleki-zna kady-žä tarka-nza. Se-řeć (urma-lgać). Poto-m saš monän, i mo-n radu-viñ, šty son sa-s. Mo-ža, meřa-n, mážija-k

въ отношеніи къ имуществу, куда хочетъ, туда и дѣнеть. Я ска-залъ: «Какъ же, дайте мнѣ хозяйствовать, а то батюшка и домъ продастъ и пропьетъ. Я останусь безъ дома», а они мнѣ отвѣтили, что если мы станемъ ставить сыновей хозяевами, то старикамъ нельзя будетъ жить. Я говорю: «вѣдь шестьдесятъ рублей кассы на батюшкѣ. Кто же заплатитъ»? А они сказали: «ты самъ и заплатишь, ты еще молодъ». Я пошелъ домой съ плачемъ. При-шелъ домой. Батюшка въ домѣ, продаетъ Инолиту и продалъ за тринадцать рублей. Деньги я сталъ выпрашивать у отца. Онъ пьяный, не отдаетъ ихъ. Я началъ отнимать. Онъ десять рублей отдалъ, а три рубля взялъ себѣ и пошелъ съ ними въ кабакъ и пропилъ ихъ. Я взялъ тѣ десять рублей и еще добылъ десять рублей и купилъ домъ за сорокъ рублей: двадцать рублей я далъ задатку, а двадцать въ долгъ, остался долженъ. Батюшка нанялся въ работники къ Спиридоновѣмъ за двадцать пять рублей и въ серединѣ лѣта оставилъ мѣсто. Онъ захворалъ. Потомъ онъ пришелъ ко мнѣ, и я обрадовался тому, что онъ пришелъ. Мо-

podmo·ga ma·ksä. Nu i äfäs god ka·fta pa·réfä. Poto·m mon še ku·dynt täfä·niñ méra·n: «dava·j misy·ník». Son méä: «kak xo·češ». Mon še ku·dynt miji·nä nilíngä·mín cé·lkovojdä, kolyngä·mín kapksa cé·lkovoxt polučil jarma·k, ostaľny·i dva rubla·kadu·xst La·pšan Ju·šan I·van laŋks, i son kuly·ś, äzi·ňžä pant. A mon rañi·ñ ku·da vä·dgäññ vä·tä cé·lkovojdä Níkano·rañ Ja·škañ čo·rañt ke·cta, Pro·gon u·lcästa, ko·sa i nej sa·maj ära·n. Täta·m ära·ś moñ ma·řta karau·řšikiks Čikañ Šta·panyñ keca, a mon ulñi·ñ obje·ščik. Son täfä·ñ kuči·žä Ija·uča·ska laŋks pul·fy·ñ karau·lama, i škirda·s podošo·l ala·ša. Täta·m molé kunda·munža, ala·šaś souža řstidi·žä pilks, i son kromö·jgać i karma·ś pilgi·za sére·deñä. Xota·avy·ř pek řsti·dižä, no šteχ por χu·žy i χu·žy. Uskši·ník alaša·sa ři·vidiñ So·kór bo·lñicas. Son to·sy karma·ś praši·ř, řtyby mä·kiñ kudu·ñ sa·jivññiž. Šivi·dñik taga ala·ša i sa·jiñik, uski·ník ku·duñ. Čela go·d séreć ku·ca. Koža·j-

жить быть, говорю, дать какую нибудь подмогу. Ну, и жилъ два года хорошо. Потомъ я про тотъ домъ говорю отцу: давай продадимъ его. Онъ говоритъ: «какъ хочешь». Я тотъ домъ продалъ за сорокъ рублей, тридцать восемь рублей получить деньгами, а остальные два рубля остались за Иваномъ Юрьевымъ Лапшинымъ, и онъ померъ, но заплатилъ ихъ. А я купилъ домъ за двадцать пять рублей у сына Якова Никанорова на Прогонной улицѣ, гдѣ и теперь также живу. Батюшка жилъ со мной вмѣстѣ у Степана Чики (Čika: прозвание русскихъ) въ караульщикахъ, а я былъ объѣзчикомъ. Онъ послалъ отца на другой участокъ караулить свопы, и къ скирдѣ подошла лошадь. Батюшка пошелъ, чтобы взять ее; лошадь лягнула его въ ногу, и онъ охромѣлъ, и стала болѣть его нога. Хотя не очень сильно она его лягнула, но съ тѣхъ поръ хуже и хуже. Мы повезли его на нанятой лошади въ Сокурскую больницу. Онъ тамъ сталъ просить, чтобы мы его взяли назадъ домой. Мы опять наняли лошадь и взяли его, привезли домой. Цѣлый годъ онъ проболѣлъ дома. Жена моя хо-

kam jaka-ś mālga-nza. Son maja-taś pek, dažy né mok váni-liq jaka-ma. Koža-jkam lifni-zā keď vá-ldā váni-liq. A mon kuca-ara-siliñ, mon ári-ñ Čikañ Štapa-nyñ ke-ca, i son še vřemañt ájsta kuly-ś, i moñāñ ášt jo-fa, šty táfa-m guly-ś. Koža-jkam kalma-ftyžā táfa-ñ, pané kalma-mga po-póñfā ni-li cē-lkovōýt. I spra-vil po-minka-t moñšteñen, i zadolža-l tři rubļa eščo, kona-ñ mon mā-jlā pa-ndyñ. Mon ka-duviñ še ta-rkañti i kuly-ś bra-tym. Son vané sta-da i to-sa karma-ś sēre-děme, saš kudny. Mo-n kucy ara-siliñ. Son še ška-styñt kuly-ś i koža-jkam kalma-ftyžā. Te vře-mañt sams eščo tā-tāñ pi-γksta čačé čora-m pé-rvoj Iva-n. Kafty né-dlat ā-rās i kuly-ś. Poto-m čačé ombó-čā čo-ra lāmi-za Ga-vra ulñi-ś. Še to-ža šna-ryža āřā-ś i kuly-ś, kuly-ś ra-γgyž. Mā-j-lā koty gott ju-tašt uřvaksty-mada, mājlā čačé eščo čo-ra lāmi-za Pé-ta. Poto-m eščo koty gott juta-št, čačé ta-γy čo-ra lāmi-za Iva-n. Poto-m ko-lmy go-tt juta-št, čačé tāχfirnā lāmi-za Sa-ña. Poto-m eščo kolmy gott ju-tašt, čačé tagy čo-ra lāmi-za Mi-kita.

дила за нимъ. Онъ сильно мучился, даже не могъ ходить на дворъ. Жена выводила его за руку на дворъ. А меня не было дома, я жилъ у Степана Чики, и онъ въ то время померъ, и мнѣ не сказали, что батюшка померъ. Жена похоронила батюшку, заплатила попу за погребеніе четыре рубля. И справила поминки безъ меня и задолжала три рубля ещо, которые я потомъ уплатилъ. Я остался на томъ мѣстѣ, и померъ мой братъ. Онъ насъ стадо и тамъ сталъ хворать, пришелъ домой. Меня не было дома. Онъ въ то время померъ, и жена моя похоронила его. До этого времени, еще при жизни отца, родился у меня первый сынъ Иванъ. Онъ прожилъ двѣ недѣли и померъ. Потомъ родился второй сынъ по имени Гаврила. Тотъ тоже столько же жилъ и померъ, померъ отъ плача. Потомъ прошло шесть лѣтъ со времени женитьбы, потомъ родился еще сынъ по имени Петръ. Потомъ прошло еще шесть лѣтъ, родился опять сынъ по имени Иванъ. Потомъ прошло три года, родилась дочка по имени Александра. Потомъ прошло еще три года, родился опять сынъ по имени Никита. И

I bo-lšy koža-jkam ača-čtä. Še vře-mastyňt mon uqolilecy Čika-ń Šta-pa-ńin ke-cta. Tuji-ń Caři-cynaŋ tarka- vášńinā. Moń toŋ tārđi-miń šo-rmasa jalgam, meřc šty tarka-t Caři-cynca lama i pitińižt, tak šty dvacať pať rublej měseć možna postupi-t pe-fče-jeks cėrkovas xorc. A mon tolko polučal Čikań Šta-pa-ńin ke-ca kāmīń zė-lkovyžt měseć. Poetomu poza-vi-doval pokš ža-lovńas i moľe-ń para-xotca Caři-cynaŋ jalga-ńin. Son ulńi-s to-sa volńona-jomnyj psalo-mšček. Sońc eřža Kšnajo-ŋskyj, i moń vete-mem ře-geńtyni. Ře-ge-ntěs karma-s moń kākksńimīn: «ty zna-ješ li no-ty?» Mon meře-ń: «zna-ju». Maksć tām moli-tva no-tnej «Na řeka-χ Vavilo-nskiχ». I mon karńi-ń mora-ftymanza i ře-geń-těnte melezėnza až tuk mora-ftymam i meřc: «ton eščo sla-byjsta soda-syť nota-tńin. Išta-my pe-fče-j mińa-ńik a ā-rāvā. Mińi-k tesa-la-ma učo-něžt». I miń jalga-ma-řta tuji-ńik sońa-nza. Jalga-m meřā: «nu, pogodi-ala-mys, tarka-varča-tana lučšy». Poto-m moľe-ńek spi-ćecnyj za-voc. Maři-ńik, šty tozė āřā-vā po-

больше жена моя не родить. Въ то время я уволился отъ Сте-пана Чики. Я отправился въ Царицынъ искать мѣста. Меня туда позвалъ письмомъ мой товарищъ, сказалъ, что въ Царицынѣ много мѣстъ и дорогія, такъ что можно поступить на двадцать пять рублей въ мѣсяцъ пѣвчимъ въ церковный хоръ. А я у Степана Чики получалъ только десять рублей въ мѣсяцъ. Поэтому я по-завидовалъ на большое жалованье и отиравился на пароходѣ въ Царицынъ къ товарищу. Онъ былъ тамъ вольнонаемнымъ псалом-щикомъ. Онъ самъ Бѣгучевскій мордвинъ, и онъ повелъ меня къ регенту. Регентъ началъ меня спрашивать: «ты знаешь ли ноты»? Я сказалъ: «знаю». Онъ далъ мнѣ ноты на молитву «На рѣкахъ Вавилонскихъ». И я сталъ пѣть, и регенту мое пѣніе не попра-вилось, и онъ сказалъ: «ты еще слабо знаешь ноты. Такого пѣв-чаго намъ не нужно. У насъ здѣсь много ученыхъ». И мы вмѣстѣ съ товарищемъ пошли къ нему. Товарищъ говорить: «ну, погоди немного, мы высмотримъ мѣсто получше». Потомъ мы пошли на

mo·šnek kanto·řčikniñ. I tosa· mēřt: «užy·da», kaŋksti·nik xo·
ža·jnyñt, i miñ tuji·nik fate·raŋ. O·mbōčā či·sta ta·ga mo·leñek.
Tosa· tñni·k otve·čast, šty ro·dña xo·ža·jnyñti na xo·dita tarkaf·
ty·ma, i xo·ža·jnyš xo·čet so·nza so·nceñ ro·dñañt šividi·miza
pomošnekeks kanto·řčikiñte. I miñ māki·ŋ tuji·nik. Poto·m
eščo·ma·fiñik, ti·šñā ta·rka. To·zēj ga·k mo·leñek. Tosa· mē·řt:
loma·ñ āra·vā tezej ry·bnyj la·basc. I šivī·diniž moñ ka·vāti
cē·lkovoj mē·šeceñt. Mon postuپی·l. Karñi·ñ āra·ma, peļ mē·šec
ā·riñ, spravla·l ry·bnyj la·basca, ūbira·l kalt i to·sa mon karñi·ñ
to·skovama i pryñ sēre·deñā, i xo·ža·jnyš moñ raščita·l, i mon
tuji·ñ kudu·ŋ paraxo·tca sē·redez ma·štykssa i syñ Sa·ratova.
Rami·ñ a·pteksta ŋi·na i šimi·ñ ā·jstynza i še·sk pički·ñ. Poto·m
syñ kudu·ŋ ja·lga. Ku·ca ŋe·dla ā·riñ, karmaš naro·d ro·botama
i mo·n ko·žajkam ma·rta karñi·ñ to·ža robota·ma jarma·kta i
zarabo·tal jarma·k pidiša·t cēlko·vyž. Šo·kšñā zdu·mal konga·k
žyt felelaŋks postuپی·t dolžnošc. Mo·le·ñ vā·žki vā·lis Petro·ŋskyj

спичечный заводъ. Мы узнали, что тамъ нуженъ помощникъ конторщика. И тамъ сказали: «подождите»,—мы спрашивали хозяина,—и мы пошли на квартиру. На другой день мы опять пошли. Тамъ намъ отвѣтили, что родственникъ хозяина находится безъ мѣста и что хозяинъ хочетъ нанять его, своего родственника, помощникомъ конторщика. И мы пошли назадъ. Потомъ еще узнали, что выходить мѣсто. Мы пошли и туда. Тамъ сказали: нуженъ человекъ сюда въ рыбный лабазъ. И наняли меня за пятнадцать рублей въ мѣсяцъ. Я поступилъ. Началъ жить, полъ мѣсяца прожилъ, работалъ въ рыбномъ лабазѣ, убиралъ рыбу, и тамъ я сталъ тосковать и заболѣлъ, и хозяинъ меня расчиталъ, и я отправился домой на пароходѣ, захворавъ лихорадкой, и приѣхалъ въ Саратовъ. Я купилъ въ аптекѣ хины и выпилъ ее и тотчасъ же выздоровѣлъ. Потомъ я пришелъ домой пѣшкомъ. Дома я прожилъ недѣлю, народъ сталъ работать и я вмѣстѣ съ женой началъ также работать за деньги и я заработалъ денегъ пятьдесятъ рублей. Осенью я рѣшилъ поступить куда нибудь на должность хоть на

ujesc popnéñ. Maři-ń, šty so-nza príxoc äřä-vä šo-rmas ma-štyća lo-mañ tona-ftyňa vä-lisa čo-réñet šo-rmas. Po-pós méřc, šty po-dava-j prašénja odděle-ńijas, i mon po-dal prašě-ńja odděle-ńijañ, lišc odděle-ńijasta, šty moňä-ń postupi-t uči-telks školagra-mytas Ka-rpuñs, i mon tosy tona-ftyñ ka-fty gott pěl ma-řta. Ža-lovňa ulñi-s väjksyngä-miñ cėlko-voj go-děñt. Tělela-γks šemija-m sajñi-ńä äřa-ma toñ, Ka-rpuñs, a kizna sata-na väši šemjo-m ku-duñ. I še vře-mastyñt oza-ftyñ ařamař čuft moñcéñ pífis. Oza-ftyñ väšiñi-za väti šatt čufta. Kona-ńgis oza-ftymañi-k i targamañi-k pa-ndyñ lo-mañiñiñ ñiñi tře-šněkt väγki koře-něñt kis. I nej soñse-m řäji-ñs sad, tak šty maksy-žä ařa-mařiñt väd-ğämiñ väťä cėlkovojdä. Koda-juta-s kafty gott pěl ma-řta, monja-ly tona-ftyñ čo-réñet. I zdava-li kolmy čo-réñet egza-men. Pašle-d-nej teleñt ä-jsta moľc u-čilñas nabřuda-tiñ. Uči-liščas ulñi-s ši-vidiř tonafñi-ća čo-réñetñeñ pē-ldä ča-u ku-da za dvena-tyř ru-

зиму. Я отправился въ одно село въ Петровскій уѣздъ къ попу. Я узналъ, что въ его приходъ нуженъ человекъ знающій грамотѣ, чтобы учить грамотѣ ребятешекъ въ селѣ. Попъ сказалъ, что «подавай прошеніе въ Отдѣленіе», и я подалъ прошеніе въ Отдѣленіе, и вышло изъ Отдѣленія, что мнѣ поступить учителемъ школы грамоты въ Карповку, и я тамъ училъ два съ половиной года. Жалованье было девяносто рублей въ годъ. На зиму я бралъ семью свою жить туда въ Карповку, а лѣтомъ мы всею семьей отправляемся домой. И въ то время я посадилъ яблоневыя деревья на своемъ огородѣ. Я посадилъ всего пятьсотъ деревь. За каждое, вмѣстѣ съ посадкой и вырывкой, я платилъ человеку четыре копейки за одинъ корень. И теперь сдѣлался вполнѣ садъ, такъ что онъ далъ яблоковъ на двадцать пять рублей. Когда прошло два съ половиной года, я все училъ ребятъ. И сдавали три мальчика экзамень. Въ теченіе послѣдней зимы пришелъ въ училище наблюдатель. Училище было нанято отъ учащихся дѣтей въ пустомъ домѣ за двѣнадцать рублей въ зиму. Наблюдатель сдѣлалъ

blej te-leńt. Nabluda-tiśis tajs za-metka žurna-le: «uśi-liť zańa-tja», i kro-me tovo-muš kija-ksta la-ma sor. I tuś. Popós totčas arc, kăjksťimim: «koda-my zame-tka pastavi-l žurna-le?» Mon neŕteńa tanga. Son meřa: «paža-lyj, uvo-lit toń, a skafe-j, ťtyby ila kadu-ŋ tarkafty-ma, podava-j praše-ńja še-lskyj pī-sarks», a mo-n meřan: «ne prīvy-šnyjan še tăvi-ńti».

Записано въ июлѣ 1905 года отъ крестьянина с. Оркина В. С. Саюшкина.

Sorma.

Мон хочу тонять меремс, шты моньянь понкс Воянгылит Лукань сѣрмадуф, и мон ваннья и тоса муинь рузынь вал'т. Пример: тоса сѣрмадуф «глава», мекс авыль «пря»? Эли «1-я», «васинь», эли «2-я», авыль «омбѣця», эли «зачало», авыль «ушыткс», хыть мурзакс «ушподкс»? Эли кода ангелесь мерьць Пазынь-аваньти

замѣтку въ журналѣ: «усилить занятія», и кромѣ того нашелъ на полу много сору. И уѣхалъ. Попъ тотчасъ же прискакалъ, спросилъ меня: «какую замѣтку поставилъ въ журналѣ?» Я показалъ ему. Онъ говорить: «пожалуй онъ тебя уволить, а ты скорѣй, чтобы не остаться безъ мѣста, подавай прошеніе на сельскаго писаря», а я говорю: «я не привыченъ къ тому дѣлу».

Письмо.

Я хочу сказать тебѣ, что мнѣ попалось твое евангеліе отъ Луки въ переводѣ, и я посмотрѣлъ и нашелъ тамъ русскія слова. Напримѣръ: слово «глава» почему тамъ не переведено словомъ «пря»? Или «1-я» не словомъ «васинь»; или «2-я» не словомъ «омбѣця»; или «зачало» не словомъ «ушыткс» или хоть по говору мурзы¹⁾ «ушотск»? Или когда ангелъ сказалъ Божьей матери

1) Въ Оркинѣ мурзой называютъ Мордву деревни Бѣгучей и сосѣднихъ селъ Петровскаго уѣзда.

«эрыгеть» (благодатный), а авыль «эрыгеть чаныгыдыфть». Мйяля тага мерьць «Тон Пазонь пельдя благодать муить», а эрявыль меремс «Тон Пазонь пельдя чаньфь муить». Ведь эрьзятъя везди мерьнетъ жа чаньфинть эса, кыть поменамста: пример, кода ломанись кандэ кшы сал, максцы ваканьнза столь ланкс, соньць комя а кырксыця бабинись васинь валцта мера, кода тоса кулдыцяньть лямиза, кыть Иван. «Ну, Иван! улиза тять чаньфь, молеза тять доходя. Вана, Даря (али кода тоса кандыцяньть лямиза) теча паньць пидись, кшы сал канць, молеза тять лембя парныса таньтй духкиса, симть ярцак, иля пеняця». Али кодак чаньфинь Паз лямь кундамста, тага ведь амереть «Паз благодатный», а ведь вясй яла мереть «Пас чангыть», и те Пас-чангыньтинь эса сека тьяв лецньетъ. Кодак аваньть эйдиза, бидя пекъ рангя, сон обязательна мера: «Пас чангыть, Восподи, ды мякс? ды мякс? ды эйдымь, ды лявскимь, ды Пас чангыть, Пас чангыть, ды лот-

---

«эрыгеть» (благодатная), а не «эрыгеть чаныгыдыфть». Потомъ опять онъ сказалъ: «Тон Пазонь пельдя благодать муить», а слѣдовало сказать «Тон Пазонь пельдя чаньфь муить» (Ты обрѣла у Бога благодать). Вѣдь мордва вездѣ употребляетъ слово «чаньфь», хотя бы въ поминаніи: напримѣръ, когда человѣкъ приноситъ хлѣбъ-соль, онъ положитъ чашку на столъ, а самъ станетъ на колѣни, а старушка, которая скоблить, съ перваго слова скажетъ, какъ тамъ имя того покойника, хотъ Иванъ. «Ну, Иванъ! да будетъ тебѣ милость, да придетъ къ тебѣ удача. Вотъ, Дарья (или какъ тамъ имя принесшей) сегодня испекла и сготовила, принесла хлѣбъ-соль, да пойдетъ къ тебѣ теплый паръ, сладкій душокъ, пей, ѣшь, не жалуйся». Или когда употребляютъ имя Бога, опять вѣдь не говорятъ: «Пазъ благодатный», а вѣдь всѣ говорятъ «Пас чангыть», и это «Пас чангыть» поминаютъ при всякомъ дѣлѣ. Когда у женщины ребенокъ, если онъ сильно плачетъ, она обязательно говоритъ: «Пас чангыть, Восподи, да что? да что? да ребеночекъ, да дѣтеньшекъ, да Пас чангыть, Пас чангыть, да

как, цюр Пас чангыть». Али кодак бидя кіяк мязя як тайсь авылъ парьцѣтя, сеста як, кодак лія ломань несэ, тожа нсѣтяжа мера: «Пас чангыть, ды тон мясьть нсѣтя тайнят, нсѣтя уш цюр улнза». Нама, минь ней уш стуфыникъ, кода седкиля тывисъ ульнисъ, и миньць как аздатана, мязя те валысь «цюр», ну цюрынѣ мон тожа ѳтаса, мязя сон ульнисъ седкиля. Седкиля думасть ломатня нсѣтя: кодак ломанисъ кулэ, то сонянза эрявя тоса и кивысал и одежда, и сон тоста лисѣня и ярцама и банис паряма. А кодак лиса покшчаке, сеста сонза сайсый эсьтянза Чангыдинъ-Пас, и сон карма апак сямъ и ярца и одежафтума лифнимя мянильга и киниыгак соньць а невя и карма раськинза эса ванфтума, конат эсынза тядить, и мерьнесеть се покшчаства лисѣ раськинѣти «цюр». А цюрынъ кирѣдїй Пазынѣти, шты сон пек уш вадря и вадряста кирѣдя кула раськист эса, и бидя ки вяпя кецтэнза прынза пирямс цюрт, то сон, корьмай, максэ зяра тятъ эря-

---

перестань, чуръ Пас чангыть». Или если когда кто-нибудь что-нибудь сдѣлаеть что-либо не хорошо, тогда, когда другой человекъ это увидить, то онъ тоже такъ же скажетъ: «Пас чангыть, да ты что тамъ дѣлаешь, такъ да будетъ ужъ чуръ». Знамо, мы ужъ теперь забыли, какъ въ старину было это дѣло, и мы также не знаемъ, что значитъ это слово «чуръ», но объ «чурѣ» я тоже скажу, что онъ былъ въ старину. Въ старину люди думали такъ: когда человекъ помретъ, то ему нужна тамъ хлѣбъ-соль и одежда, и онъ выйдетъ оттуда и поѣсть и попариться въ банѣ. А когда онъ выходитъ въ образѣ дѣда, тогда его возьметъ къ себѣ Чангыдинъ Пасъ, и онъ начнетъ, не употребляя питья и пищи и безъ одежды, летать по небу, и никому самъ онъ не показывается и начинаетъ беречь тѣхъ родныхъ своихъ, которые его зовутъ, и называли происшедшаго отъ того дѣда потомка «чуръ». А содержащаго чуры Бога за то, что онъ очень ужъ хорошъ и хорошо держитъ помершихъ потомковъ, и если кто ищетъ отъ него чуровъ, чтобы оградить себя, то онъ, кормилецъ, дастъ сколько тебѣ нужно, и

вить, и се Пазыньти мерьнесьть Пас чангыть сень гиса, шты сон самай чаньфийн максыця. Минь нейгак кыть и лямдяфтана, ну яла тея прянык эса пирятана цюраса и вяштяна Пас-чангыгяньть кецга чаньфьть и цюрат. Пример: кодак ломанись модемста нея вихирь, то сон карма прянза эса пиряма, а пирямста мера исьтя: «цюр! Пас чангыть, цюр аминь, цюр аминь, цюр Пас чангыть, цюр, корьменецькемь». Начит, те седикилинь цюрамысь нейгак пекь парьцьтя эря миникь эса. Минь миньць как аздатана, шта ястя меремась грехь, а нейгак вясимя таркаса мернеть яла исьтя. Кыть кявькста ломань ялганза, бидя се коса як эря скамынза: «ды кода тон а пелят тоса удумат», се обязательна мера исьтя: «ды мяздя пелян, цый мон мадимста цюраса пиряса прям и мадинь». Начит, минь нейгак авыль Паз ланкс надиятана, а цюрать-винь ланкс. Али кыть куда кодак мадимста, обязательна вясій вальматнинь и кянькшиньть цюраса пирить, а бидя куцыньть уля лавсь, то аванть мадимста секи мелявксыза лавсись цюраме ни-

---

этого Бога называли Пас чангыть потому, что онъ самый раздаватель милости. Мы и теперь, хотя и крещеные, но постоянно таки ограждаемъ себя чурами и просимъ отъ «Пас чангыть» милостей и чурь. Напримѣръ, когда человекъ видитъ приближеніе вихря, то онъ начинаетъ ограждать себя, а ограждая себя, говорить такъ: «чурь! Пас чангыть, чурь аминь, чурь аминь, чурь Пас чангыть, чурь, мой кормилецъ». Значить, это старинное чураніе и теперь очень хорошо живетъ у насъ. Мы и сами не знаемъ, что говорить это грѣхъ, а я теперь всюду и вездѣ такъ говорить. Хоть спросить одинъ человекъ другого, если тотъ живетъ гдѣ нибудь въ одиночествѣ: «да какъ ты не боишься спать тамъ», тотъ обязательно скажетъ такъ: «да чего мнѣ бояться, чай, я ложась зачураю и огражу себя и лягу». Значить, мы и теперь надѣемся не на Бога, а на чуры. Или какъ ложатся въ домѣ, обязательно ограждаютъ чурами всѣ окна и двери, а если въ домѣ есть люлька, то, при укладываніи на ночь матери, она пусть позаботится зачурать

рямс, штыба идимевсь плясса сэвь али ведун плясса полафт. Ата бидя полафцы, сеста эйдиза уля косаяк чумбылскикс, а сон теса карма трыма полафтуф. Ну, мон тывимь стугтыня. Кармакшнынь чаньфьтя, а туинь киздасы ков. Ну, ней тага карман. Секедя несак мон уш кафтынь таркаста нефтенъ, шта чаньфись самай се рузынь «благодатись». Ней мерян эшча колмоценъ таркаста. Миникъ ней кармасть кор'тама яла руске лама вал'т. Пример: кодак ломанись моля ломаньнинъ, бидя се мясьть как а тьяня, то сыцясь мера: «здорово живети», а седикиля мерьнесть: «сюк тянькь», ну «тень», и нейгак эшча лама исътя мерьнесть. А эшчо мерьнесть Бог помоченьть таркас: «Пас чангыдиза тянькь!» Ну, ней исътя а мерьнесть. Можа тянь мерят, коста тон саньк, то мон тить мерян, шта ней гак вясій аватьня исътя мерьнесть анычик коцтэнь кодамста. Кодак хыш кона авась моля шабранцый, а неть кодэть коцт, то сыцясь, кодак сувя, чеки покя и мера: «чангыдиза тянькь!»

и оградить люльку, чтобы не съѣлъ его или вѣдунъ не подмѣнилъ его. А то, если подмѣнитъ, тогда ея ребенокъ будетъ гдѣ нибудь русалкой, а она поэтому начнетъ кормить подмѣненнаго. Ну, я позабылъ свое дѣло. Я началъ съ слова «чаньфь», а зашелъ кто знаетъ куда. Ну, теперь я снова начну. О томъ, что «чаньфь» то самое, что русское «благодать», я, видишь, показаль уже на двухъ случаяхъ. Теперь я скажу еще о третьемъ случаѣ. Наши стали теперь говорить постоянно много русскихъ словъ. Напримѣръ: когда одинъ человекъ пойдетъ къ другому, если тотъ ничего не дѣлаеть, то пришедшій говорить: «здорово живете», а въ старину говорили: «сюк тянькь» или «тень» (поклонъ вамъ, или тебѣ), и теперь еще такъ много говорить. А еще говорили вмѣсто «Богъ помочь» «Пасъ чангыдиза тянькь!» (Опѣда благопріятствуетъ вамъ). Ну, теперь такъ не говорить. Можетъ быть, ты мнѣ скажешь, откуда ты взялъ это, то я тебѣ скажу, что и теперь всѣ женщины говорятъ такъ только при тканьѣ холста. Когда хоть которая нибудь женщина придетъ къ своимъ сосѣдкамъ, а тѣ ткуть холстъ, то пришедшая, когда войдетъ, перекрестится и скажетъ: «чангыдиза тянькь!»

От ней тон мясьть моньдянь мерят те Пазыньть карча? Мон мерян: те Пазысь «Пас чангытись», руске «Бог благодати»; чаньфись «благодать», чангыдиза «поблагопріятствуй». Ну, упросьтямак, шты мон сёрмадынь тять те сёрманьти сняра прявь машинмат. Монянь жаль кучумс чава сёрмась.

Выдержка изъ письма Г. А. Цыбина, помѣченнаго октябрёмъ 1905 г.

Вотъ теперь, что ты мнѣ скажешь въ обращеніи къ этому Богу? Я говорю: этотъ Богъ «Пасъ чангытись», по русски «Богъ благодати»; «чаньфись» благодать, «чангыдиза» поблагопріятствуй. Ну, прости меня, что я написалъ тебѣ въ этомъ письмѣ столько, что это утомить твой умъ. Мнѣ жаль отослать пустое письмо.

Б. Сухой Карбуланъ.

Mon u·líní véti go·tea pa·kša. Tá·tidín tušt píriŋ šē·škémē i moŋ za·jimíž. Šē·škeŋek pēlīči·s, ka·rminík sy·rgama ja·rcama. Tá·tam oza·ftymín moŋ ri·žyj e·ldeŋt laŋks la·šte i ku·čymín gudu·ŋ, a soŋc sajs kavala·lynza šu·viŋit, tuš moŋ inē·lga. A·la·šaŋt ka·rmašt su·skuma karft. Son duš bo·jkasta. Tá·tam ga·duŋš. Pa·čkidín mon orta la·ŋks, a príkaŋe·tkaš pa·nžada. A·lašaš pa·č·kič príkaŋe·tkaŋt vic, tuš príkaŋe·tkavaŋt. Mon va·nca teft be·ra·tt, ku·ndyŋ príkaŋe·tka vé·lksēŋteŋ i po·vodevéŋ. A·lašaš tuš ka·rdazuŋ, a mon nu·rgan príkaŋe·tkasyŋt. Tá·tam zaš ortala·ŋks, moŋ za·jimín. —

Moŋ bokščaŋ ulínis ašy čapkazy dy kecy valajaž žlapaza. Sy šokše, po·kščam poŋgaŋsy pí·risy ko·pna prá·s šla·panza, a ča·p·kanzy tosty sa·jsē. Sy tu·nda, po·kščam žla·panzy tosty sajsē, a

---

Я былъ мальчикомъ пяти лѣтъ. Отецъ и другіе семейные пошли на гумно молотить и меня взяли. Мы молотили до полудня, стали собираться поѣсть. Отецъ посадилъ меня на рыжую кобылу верхомъ и послалъ меня домой, а самъ взялъ подъ мышку немного отрубей и пошелъ за мной. Лошадь начали кусать мухи. Она пошла скоро. Отецъ остался. Подѣхалъ я къ воротамъ, а калитка отперта. Лошадь подошла прямо къ калиткѣ, пошла черезъ калитку. Я вижу, дѣло плохо, уцѣпился за верхъ калитки и повисъ. Лошадь пошла на дворъ, а я висию на калиткѣ. Отецъ пришелъ къ воротамъ и снялъ меня.

У моего дѣда была бѣлая шапка и сваляная руками шляпа. Придетъ осень, дѣдъ прицѣпитъ на гумнѣ на верхъ копы свою шляпу, а оттуда сниметъ шапку. Придетъ весна, дѣдъ сниметъ

ča·pkanzy po·ŋgausē. Vēst ti·kšyŋe·dema la·ŋga po·kščam u·lūis
so·nīcenzy šla·pasa. Karmaš po·kščam zy·rgamy ti·kšys. Mon ga·r
mīn ma·rtynzy sy·rgama. Pokšča·m vēčkezi pakšyma·rta ko·lne
ma·ūt. Sa·jīmīm moū ma·rtynza. A·nēcak līšīnīk vē·lestē·ūt (vē
leūt pē·va čudī vēdne), mon mēra·n: «po·kščaj, zi·mīmam zaš». Po·k
ščam lo·tkafyzi a·lašaūt, sa·jiži pfa·stynzy šlapanga, a·mulē šla·
paūtīn vēd, ka·rmaš moū zīmūtīme. Moū zi·mīmam ja·vaš. Ka·duvīks
vēdeūt po·kščam va·lyzi a·lašaūt laŋks. Ardy·nīk ardy·nīk, vē·
ledēūt tuji·nīk uš vasu·u; pa·čkidīnīk ti·kšy vīc. Po·kščam ga·r
maš ti·kšy ŋe·deme, a a·lašaūt no·ldēzi po·pērešūnekenza i noldēzi
ti·kšys ja·rcama. Po·kščam lēc lamy ti·kšyt, vačkīnīži rīdvanc,
pē·lema·ūt šalgiži tikšytīnīnī. Soŋc tuš vē·pēleu, sajiži pfa·
stynzy šla·panza, praš koŋe·lkala·ŋksa, dy mo·naū mēre: «cōraj,
zak ja·gidady ja·rcama». Mon moŋe·n bo·kščam vakss. Pokščam
že·zīi ja·gidat šla·pazynza, a mon ga·rīmī vē·šnēmī e·štaū ja·r
cams, dy a mujiūt teū. Pokščam mēre: «sak ja·rcak šla·pastyūt».
Pokščam že·zīi ja·gidat, a mon ašcan žlapaūt va·kssy dy ja·rcan.

оттуда шляпу, а шапку прицепить. Однажды во время сынокоса
дѣдушка былъ въ своей шляпѣ. Сталъ дѣдушка собираться за
травой. Я сталъ собираться съ нимъ. Дѣдушка любилъ возиться
съ дѣтьми. Онъ взялъ меня съ собою. Только лишь мы выѣхали
изъ села (въ концѣ села течетъ рѣчка), я говорю: «дѣдушка, мнѣ
хочется поспить». Дѣдушка остановилъ лошадь, снялъ съ головы
шляпу, зачерпнулъ въ шляпу воды, началъ поить меня. У меня
прошла жажда. Оставшуюся воду дѣдушка вылилъ на лошадь.
Ѣхали мы ѣхали, отъ села уѣхали уже далеко; пріѣхали къ
травѣ. Дѣдушка началъ косить траву, а у лошади отпустилъ
пеперечникъ и пустилъ ее ѣсть въ траву. Дѣдушка накосялъ
много травы, наложилъ ее въ телегу, въ траву воткнулъ косу.
Самъ отошелъ въ сторону, снялъ съ себя шляпу, упалъ на ко
лѣнки и говорить мнѣ: «сыночекъ, иди ѣсть ягоды». Я подошелъ
къ дѣдушкѣ. Дѣдушка рветъ ягоды въ свою шляпу, а я началъ
искать себѣ, чтобы ѣсть, да не находилъ. Дѣдушка рветъ ягоды,

Po·kščam že·žneži šla·pañt pe·leva i me·re: «a·dī, čora·j, gudu·u». Oza·ftyñiñ bokščam ti·kšyñiñ laŋks, maksyži e·lezèn žlapañt, o·zaš soñć ka·k, i mññ tu·jiñik kudu·u. Mo·lemsty šlapastyñt ja·ğida·tñidy ja·rcyñik. Mo·leñek mo·leñek, mon ma·tidiñiñ. Koda·sy·rgyžin, mññ uš u·lñiñik ka·rdajsa. Šla·paš u·lñiś po·kščam b·ra·synza. Po·kščam me·re: «ja·ğidat tet e·ra·vit?» Mon me·ra·n: «dava·j». Po·kščam, da·rgaž žepstènza ko·mory ja·ğida, ma·ks·synži mo·ñañ.

Mi·ñćiñik ve·lesy mon tona·fñiñ ko·lmy gott. Egzañen zdal. Šedy melji kafty gott či·jñiñ išta·k. Melji sajiñe me·leñ o·šoŋ. A·vam u·skiñiñ o·šoŋ, ma·ksyñiñ ve laŋšñi·kñiñ. Laŋšñi·kiś mñ·kšñiś su·ndukt. Mon ulñi·ñ kemgo·lmovy go·tca i mo·ñañ sundu·kñiñ ģepšemast ulñi·ś pek sta·ka. Saš mñ·ñik la·fkas bo·jar, ra·maš su·nduk. Xoža·inyś mon ku·čimñiñ kanduma·nza. Sy·ñik boja·ryñt ma·rta sonzy ku·dys, a mo·n ko·jkak pačkidñiñ. Boja·ryś me·re: «šiži·t?» Mo·n me·ra·n: «šiži·ñ!» Son me·re: «Ka·duft mo·

а я сижу около шляпы и ёмъ. Дѣдушка нарвалъ до половины шляпы и говорить: «идемъ, сынокъ, домой». Посадилъ меня дѣдушка на траву, далъ мнѣ въ подолъ шляпу, сѣлъ и самъ, и мы поѣхали домой. Во время пути мы ѣли ягоды изъ шляпы. Ёхали мы ёхали, я заснулъ. Когда я проснулся, мы были уже на дворѣ. Шляпа была на головѣ у дѣдушки. Дѣдушка говорить: «нужно тебѣ ягодъ?» Я говорю: «давай». Дѣдушка, вытащивъ изъ кармана горсть ягодъ, далъ мнѣ.

Въ нашемъ селѣ я учился три года. Сдалъ экзаменъ. Послѣ того я бѣгалъ два года безъ дѣла. Потомъ мнѣ захотѣлось въ городъ. Матушка отвезла меня въ городъ, отдала меня одному лавочнику. Лавочникъ продавалъ сундуки. Мнѣ было тринадцать лѣтъ и мнѣ было очень тяжело поднимать сундуки. Пришелъ въ нашу лавку баринъ, купилъ сундукъ. Хозяинъ послалъ меня отнести его. Мы пришли вмѣстѣ съ баринемъ въ его домъ, а я кое какъ дошелъ. Баринъ говорить: «ты усталъ?» Я говорю: «усталъ»!

na-n, moń ġeca żardyja-k aśiža-t». Mon ga-duvń. Še bo-jaryś kírć kańdī-terckyj, i mon so-nzy ke-cy ka-rńiń robota-ma. A moń dauny- ulńi-ś me-lem tona-fńińe. Sa-ś tata-m ošo-ŭ i me-fi mo-na-n: «loma-tńi pa-kšast u-skit Alakso-fkaŭ tona-fńińe. To-zeń dejšt pokš uči-tińia». Mon me-řan: «Sa-jimak i moń te-sty i u-s-kumak Alaksofkaŭ». Tata-m ejsė-n ež zajt. Mon ga-rńiń ařař-di-me, i iřta-pek ava-rđiń, na-taj ta-tańiń ža-l nejaviń, i son za-jimńiń o-řta i u-skimńiń Alakso-fkaŭ. Alakso-fkasy e-řva pa-kšańt ki-sa ko-vońt panćt ko-lmy co-lkovojt. Moń ġi-s tata-ńiń pa-ndums u-ńiś ne-mejsa. Moń pańi-ksylińiž, i ka-dymĩž a-ńćak šeks, šty pek pa-řći mon tona-fńiń. Ju-tařt kolmy gott. Mon egza-men zdal ve-ředy pa-řće. Šormadyńik pro-řėńijat i mńia-ńik maksćt ućitilńi da-rkat. Kińi-ń go-vońt panćt řiřiń zol-ko-vojť, ki-ńiń ga-řksa, a mo-ńań panćt ke-meń. Va-řiń go-deńt ućitilks či-styn Eřemejeřfkasy mon ga-rńiń mońć tona-fńińe. Čińt tona-ftań pakša-t, a veńt tona-fńań mońć. Saś tu-ndyś, moń bak-

---

Онъ говорить: «останься у меня, у меня ты никогда не устанешь». Я остался. Этотъ баринъ держалъ кондитерскую, и я сталъ работать у него. А у меня давно было желаніе учиться. Приѣхалъ мой отецъ въ городъ и говорить мнѣ: «люди везутъ своихъ дѣтей учиться въ Алексѣевку. Тамъ выстроили большое училище». Я говорю: «Возьми и меня отсюда и отвези меня въ Алексѣевку». Отецъ меня не бралъ. Я сталъ плакать, и такъ сильно плакалъ, что отцу стало жалъ, и онъ взялъ меня изъ города и отвезъ въ Алексѣевку. Въ Алексѣевкѣ за каждаго мальчика въ мѣсяць платили три цѣл-ковыхъ. За меня отцу нечѣмъ было платить. Меня хотѣли было прогнать, и оставили меня однако потому, что я очень хорошо учился. Прошло три года. Я сдалъ экзаменъ лучше всѣхъ. Мы написали прошенія, и намъ дали учительскія мѣста. Кому въ мѣ-сяць платили по семь рублей, кому по восемь, а мнѣ платили де-сять рублей. Первый годъ моей учительской жизни въ Еремѣевкѣ я сталъ учить самого себя. Днемъ я учу ребятъ, а ночью учусь

ša-tńi egza-men zdali parće. Ki-zyńt tuji-ń da-tańiń i ki-zyńt ka-rńiń tafań ma-rtu robota-ma. Sy pra-źnik eł pizimići, mon mońc tona-fńan. Saś so-kśe. Tu-jin o-šov, ma-ksyn śemena-rijas pro-śenija. Ne-dłady me-lji mo-leń śemena-rijas ke-łkśeme, pima-samiz moń egza-menc eł ara-ś. Mo-ńań me-řet: buti me-řet, kiřt kńt nejł. Ne-jeńem mi-ńik po-poś i me-ře: «čau-přa, a-zi sa-jik prośenijańt i aži Olckėjej, to-sy u-li dužo-vnej uči-lišče, to-sy egza-meněś śedi so-žžeńe». Mon mo-leń prośe-ńijańt me-lga. Koj ġi-t me-řet: «lac teja-t, řesy ki ež ġiřt, kija-k ne vy-deržal». Liśś inśpe-ktorěś i me-ře: «a-da moń me-lga». Mon duji-ń mełga-ńza. Pa-čkidińik ve ko-mnota vi-c, su-vińik to-zeń. Son me-ře: «aščik ala-mus». Sońc tuś. Mon a-ščin ve-teška minu-t, va-ńca — suve inśpe-ktorěś, me-lgazy su-vit niłi li-ja uči-łit i ve pop. O-zaś stole-kś. Mon čarki-diń, řty mo-ń ka-rńit ke-łkś-ńema-n. Eś pa-čkan du-man: meśt Pas ama-kśe, ka-rman otveča-ma.

самъ. Пришла весна, мои ребята сдали хорошо экзамень. Лѣтомъ я отправился къ отцу, и лѣто я началъ работать съ отцомъ. Придетъ праздникъ или дождливый день, я учу самъ себя. Пришла осень. Отправился я въ городъ, подалъ прошеніе въ семинарію. Спустя недѣлю я пошелъ въ семинарію спросить, приняли ли меня къ экзамену или нѣтъ. Мнѣ говорятъ: если хочешь, держи хоть теперь же. Увидѣлъ меня нашъ священникъ и говоритъ: «пустая голова, ступай возьми прошеніе и отправляйся въ Вольскъ, тамъ есть духовное училище, тамъ экзамень легче». Я пошелъ за прошеніемъ. Кой-кто говоритъ: «хорошо сдѣлаешь, здѣсь кто не держалъ, никто не выдержалъ». Вышелъ инспекторъ и говоритъ: «иди за мной». Я пошелъ за нимъ. Подошли мы къ одной комнатѣ, вошли туда. Онъ говоритъ: «подожди немного». Самъ онъ ушелъ. Я подождалъ минутъ съ пять, смотрю — входитъ инспекторъ, за нимъ входятъ другіе четыре учителя и одинъ священникъ. Сѣли за столъ. Я понялъ, что меня начнутъ спрашивать. Думаю самъ въ себѣ: что Богъ дастъ, стану отвѣчать. Спрашивали меня съ часъ. Встали,

Keŭksnéšť ejsén ča-syška. Štašť, tušť. Inšpe-ktorés ka-duŭs i mé-re: «zako-n Bo-žěj ton parčte-o-tvéčet, va-ndyj zak vejkséceks ča-sta, karma-tana keŭksnémát sla-va-nyň géł». Syn ombo-či čínť, tagy vé-teméž še komnota-ńín, tagy- časy-ška ke-ŭksnéšť e-j-sén. Ta-gy tušť li-ja uči-filńé, inšpe-ktorés ta-gy kadu-ŭs. Koda-tušť lija-tńé, son mo-ńań mére: «i sla-va-ńyň géleńť ton zo-dasa-k, va-ndyj zak ta-gy te po-rava». Šedi mé-lji mon kemeńčka raz ja-kiń šeńena-fijas i moń ke-ŭksnéšť li-jady li-jada. Melji kar-ma-ftyńíz sta-fjań žormadu-ma. Ko-da mon u-ńín Alaksofkasa, Alaksofkaš pek palć. Mon še poža-ryńť šo-rmady-ńe. Še melezést pek tušť. Vé-teméž učifi-ńas, ko-sy tona-fńit víška pa-kšat. Kar-maftyńíz ba-kšań dona-ftuma. Šeja-k melezést tušť. Učifi-ńín štášť, inšpe-ktorés mére: «toń otvé-čamut i tona-ftumat mńín-k mele tušť, i kańi-šijaš du-mi tet maksu-ma uči-filń žvíde-ťelctva» Še-dy melji mon iščo vé teli tona-ftyń škol(y) gra-matasa, Ju-ř-jěfka vé-řesa. Melji maksćť teń tarka Novapo-ľjasta. Mon to-sy

ушли. Инспекторъ остался и говорить: «по закону Божию ты отлично отвѣчалъ, завтра приди въ девятомъ часу, мы будемъ спрашивать тебя по славянскому языку». Я пришелъ на другой день, спать меня повели въ ту комнату, опять меня спрашивали съ часъ. Опять пришли другіе учителя, инспекторъ опять остался. Когда другіе ушли, онъ говоритъ мнѣ: «и славянскій языкъ ты знаешь, завтра приходи опять въ это время». Послѣ того я разъ десять ходилъ въ семинарію, и меня спрашивали все о другомъ. Потомъ мнѣ велѣли написать сочиненіе. Когда я былъ въ Алексѣевкѣ, Алексѣевка сильно горѣла. Я описалъ тотъ пожаръ. Это имъ очень понравилось. Меня повели въ училище, гдѣ учать малыхъ дѣтей. Мнѣ велѣли учить дѣтей. И это имъ понравилось. Учителя встали, инспекторъ говоритъ: «твоя отвѣты и твои уроки намъ понравились, и комиссія рѣшаетъ дать тебѣ учительское свидѣтельство». Послѣ того я училъ еще одну зиму въ школѣ грамоты въ деревнѣ Юрьевкѣ. Потомъ мнѣ дали мѣсто въ Новополю. Я тамъ училъ два

tona·fťyn ka·fťy gott. Moń gu·čimiz Ńenaro·kofkaŋ moń apak
keńkšt. U·lńis ča·dy ve·d. Mo·ńań saŋs ju·tams pokš ve·deń droks
řemezy Ča·rdyn. Mon Ča·rdymint troks ju·tamsta čut ežen va·ja.
Mo·leń Ńenaro·kofkaŋ, koŋ dona·fťyn do·sa. Saś o·šsty teń go·
ńou. Moń mekeŋ gu·čit Novopo·ljaŋ. Mon zi·vidin u·skicat i
tu·jin Novopo·ljaŋ. Še·dy mełji uš tu·jin ko·lmoči gotc Novopo·
ljasa. Nej ga·k to·sy to·nafta·n.

Mi·nik ša·branyk Ėe·der a·ta lo·mańis au·l ģežē·j, a kožaj·
ka·nzy ma·rty še·jecty tu·řksne. Sokaŋšt sokamu·nzy Ėeder
a·tańt, son deřteži alaša·nzy lu·gas. Alaša·zy tuš ba·rskyj žury
la·ŋks, sa·jiži obje·ščik potraŋs; obješčik ku·rudyže. Ka·rmašt
lo·mańt mu·šky vi·dime, a Ėeder a·tańt alaša·za ba·rskyj ga·r·
dajsa. Mołc Ėe·der ata a·lašanť me·lga. Boja·rys tenzy mefe:
«uskt ka·rdajsty umala·ŋks veťi ost na·oz, ma·kssa a·lašat». —
«Ko·da tejat, efa·vi usku·ms», meři Ėe·der a·taś. Sa·jiži Ėeder
a·taś alaša·nza, tuš ba·rskyj ga·rdazuŋ na·ožen ři·fńime. Mo·ři

года. Меня послали въ Ненароковку, не спросивъ меня. Была полая
вода. Мнѣ пришлось переѣзжать черезъ большую рѣку, по имени
Чердымъ. Переѣзжая черезъ Чердымъ, я чуть не утонулъ. При·
былъ я въ Ненароковку, мѣсяцъ я училъ тамъ. Пришла ко мнѣ изъ
города бумага. Меня посылаютъ назадъ въ Новополе. Я нанялъ
извозчиковъ и поѣхалъ въ Новополе. Послѣ того я живу третій
годъ въ Новополе. И теперь я тамъ учу.

Нашъ сосѣдъ старикъ Ѳедоръ человекъ не злой, а съ женой
своей онъ очень часто дерется. Попахалъ Ѳедоръ свою пашню,
спуталъ свою лошадь (и пустилъ) въ луга. Лошадь его пошла въ
барскій хлѣбъ, взялъ ее объѣзчикъ на потравѣ. Объѣзчикъ
загналъ ее. Люди начали сѣять коноплю, а Ѳедорова лошадь на
барскомъ дворѣ. Пошелъ Ѳедоръ за лошадью. Баринъ говоритъ
ему: «свези со двора на загонъ пять возовъ навозу, я отдамъ твою
лошадь». — «Что подѣлаешь, надо свезти», говоритъ Ѳедоръ.
Взялъ Ѳедоръ свою лошадь, отправился на барскій дворъ выво·

Ėe-dër a·taś naoz oz ma·rta, va·ncy — pa·stuχ va·tki ku·ly Ėe·ve.
Ėe·veś ku·ja. Ėedër a·taś mēre: «kērcē·k mo·na·n kelm' o·jeñt,
mēzeks kak maštu·ve». Pa·stuχus kērcēzi Ėe·veñt la·ŋksta ojeñt,
ma·ksyzi Ėedër a·tañtñiñ. Uskuušt vēti o·snē, Ėe·dër a·taś saś
kudu·ŋ. Saś Ėedër a·taś kudu·ŋ, a kožajka·zy kudy·sy a·raś. Pu·
tyži o·jeñt, o·rčas ka·lady pa·nar, ka·rmaś sy·rgamy mu·šky vi·
dime. Alaša·nza ku·čiži loma ma·rta, a soñc tuś victa·. E·raus
te·nzy mo·lems vēdeñ do·mbaliñ. Sonzy vēcēñt ulñis lo·pafty·ž
koloda·za. Son puć koloda·ñtñiñ ka·ñciryt, o·zaś soñc ka·k i tuś
u·jime. Añcak tu·tmadiži ko·loda·ñt be·rekstēñt, ko·lodaś vēlaus,
i Ėe·dër a·taś praś vēdeñtēñ, a kañciry·tñi tuś vē·deñt la·ŋga
ujñime. Liśś a·taś vē·ctēñt, saś kudu·ŋ, o·rčas ĥja pa·nar, ka·jaś
mē·šeks ka·ñciryt, ta·gy tuś vēdeñ do·mbaliñ. Pu·tyñzi koloda·ñ·
tñiñ kañciry·tñiñ i so·ñc oza·ś; a·ñcak tuś uji·me, tagy vaja·ś.
Liśś vē·ctēñt, sa·jiñzi ka·ñciry·tñiñ la·ftuŋ langzy·nza, saś ku·
du·ŋ. O·rcezi Ėe·dër a·taś rozo·voj banary·nza, tagy tuś to·mba-

зять навозъ. Идетъ Ѳеодоръ съ возомъ навоза, видитъ — пастухъ
снимаетъ шкуру съ палой овцы. Овца жирная. Ѳеодоръ говоритъ:
«отрѣжь мнѣ сала, на что-нибудь пригодится». Пастухъ вы·
рѣзалъ изъ овцы сало, далъ Ѳеодору. Свезши пять возовъ, Ѳе·
одоръ пошелъ домой. Пришелъ Ѳеодоръ домой, а жены его нѣтъ
дома. Онъ положилъ сало, надѣлъ рваную рубашку, сталъ соби·
раться сѣять коноплю. Лошадь свою онъ послалъ съ людьми, а
самъ онъ пошелъ прямо. Ему нужно было идти на ту сторону
рѣки. Въ рѣкѣ была замочена его колода. Онъ положилъ коноплю
въ колоду, сѣлъ и самъ, и пустился плыть. Только что онъ оттол·
кнулъ колоду отъ берега, колода перевернулась, и Ѳеодоръ упалъ
въ воду, а конопля пошла плавать поверхъ воды. Вышелъ старикъ
изъ воды, пришелъ домой, надѣлъ другую рубашку, насыпалъ ко·
нопли въ мѣшокъ, опять пошелъ на ту сторону рѣки. Положилъ
коноплю въ колоду и самъ сѣлъ; только что пустился плыть, опять
упалъ въ воду. Вышелъ изъ воды, взялъ коноплю себѣ на плечи,
пошелъ домой. Надѣлъ Ѳеодоръ розовую рубашку, опять пошелъ

liŋ. Pu-tyŋŋi koloda-ŋtiŋ kaŋci-ry-tŋiŋ. Ozaš•soŋc koloda-ŋtiŋ, tuš u-ji-me. U-ŋš ve-deŋ be-le-ŋvi-c, a soŋzy a-laša ve-te-ca-tŋi lo-ma-tŋi uš sa-šŋ i va-nyŋt, koda. Fe-dër a-taš ju-te. Pa-čkić Fe-dër a-taš pe-le-ŋvi-c i me-ŋi la-ŋgy-zy-nzy vany-ca-tŋiŋiŋ: «uj-na-t, uj-na-t, to-na-dat u-ŋiŋme». A-ŋćak ke-ŋe-ŋc i-šŋa me-re-me, ve-la-ŋš ko-lo-daš, čo-pa-ŋš Fe-dër a-taš ve-de-ŋt ku-ŋč-ka-ŋvi-c. Va-ney Fe-dër a-taš — ju-tams ka-du-ŋš a-lama i ko-ški pa-na-ry-zy a-ra-š; tuš vi-cty to-mba-li-ŋ. Lišš ve-ct-ŋt Fe-dër a-taš, vi-di-ŋi muš-ky-ŋt i ka-rmaš so-kama. Saš ku-du-ŋ Fe-dër ba-baš. So-ŋd-ŋzy jo-fa-šŋ, koda Fe-dër a-taš va-ŋš. Fe-dër ba-baš va-rš-ŋš žer-dala-ŋks, ro-vo-ŋ ba-na-ryš a-raš. Tuš Fe-dër ba-baš to-mba-li-ŋ, ka-rmaš Fe-dër a-taš a-znuma. Fe-dër a-taš ku-ly-nyš ku-ly-nyš, me-le-zy mo-č, ka-dy-ŋi so-ka-ŋt i ka-rmaš Fe-dër ba-baš lo-kš-ŋ čau-man-ŋa. Fe-dër ba-baš čij-ŋi čij-ŋi muš-kiŋi la-ŋga, Fe-dër a-taš ja-ly a-ka-dy e-ŋs-ŋa. Jor-to-ŋš Fe-dër ba-baš ve-c i ka-rmaš ve-ct-ŋt a-znuma. Fe-dër a-taš lo-kš-ŋ a-sa-te. Son go-č-kaš e-le-ze-nzy po-ko-ŋt i kar-

на ту сторону. Положилъ коноплю въ колоду. Сѣлъ самъ въ колоду, пошелъ плыть. Доплылъ до середины рѣки, а видѣше его лошадь люди уже пришли и смотрять, какъ переправляется Оедоръ. Дошелъ Оедоръ до половины и говорить смотрящимъ на него: «плаваешь, плаваешь, выучишься плавать». Только онъ успѣлъ такъ сказать, перевернулась колода, Оедоръ нырнулъ въ середину рѣки. Видитъ Оедоръ — перейти осталось немного, и сухой рубашки у него нѣтъ; онъ пошелъ прямо на ту сторону. Вышелъ изъ воды Оедоръ, разсѣялъ коноплю и сталъ пахать. Пришла домой Оедорова старуха. Ей рассказали, какъ Оедоръ тонулъ. Оедорова старуха посмотрѣла на жерздъ, розовой рубашки нѣтъ. Пошла Оедорова старуха на ту сторону, начала клясть Оедора. Оедоръ слушалъ, слушалъ, надоѣло ему, бросилъ соху и сталъ бить Оедорову старуху кнутомъ. Оедорова старуха бѣжала, бѣжала по коноплямъ, Оедоръ все ея не оставляетъ. Бросилась Оедорова старуха въ воду и начала его клясть изъ воды. Оедо-

maš Fédér ba-bańt laŋks jovré-me. Fédér ba-baš va-ncy teft be-ra-tt, ju-taš te bo-kaŋ i méri Fédér a-tańtiń: «mon dońcet kak tevet tejsa», i tuš kudu-ŋ. Fédér a-taš ka-rmaš so-kama, a Fédérnéza ba-baš sa-jizi Fédér atańt u-skuft ke-lm' o-jeńt, te-jniži čomara-ks i sè-veže. So-kaŋs Fédér a-tańt pí-riza, saš kudu-ŋ, pe-rgaftyži alaša-nza i mére: «a testy kełm' o-ješ ko-sa?» — «A mon gosta so-dan», méri Fédér ba-baš. — «Vana-t, ki-skat sa-lyž, a mon pastuŋun ġe-cty keřćeťteksněne, méran: méjs kak ma-štuve», méri a-taš. — «A še mé-žen oj ulni-s?» méri Fédér ba-baš. — «Mon guly řevi la-ŋksty pastuŋun ġe-cty keřćeťte-kš-něne». A-ńćak Fédér baba-s ġe va-ltnyn ma-řinže, koda ka-rmi u-sknma. — «Ton detkeķ», méri Fédér a-taš. Koda karńi Fédér ba-bańt lo-kssy čaumanza, a Fédér ba-baš a-ńćak te-jne: «va-j, mon, va-j, mon». — Fédér atańt mu-škys lišš véseme-dy i-ķile. Te, vana-t, tedy, šty son načky pa-narcy ví-dize.

Записано отъ Р. О. Учаева.

ровъ кнутъ не достаетъ. Онъ собралъ въ полу комки земли и сталъ кидать въ Оедорову старуху. Оедорова старуха видитъ — дѣло плохо, перешла на ту сторону и говоритъ Оедору: «я и сама съ тобою сдѣлаюсь», и пошла домой. Оедоръ сталъ пахать, а Оедорова старуха взяла привезенное Оедоромъ сало, изготовила его на вареники и съѣла его. Попахалъ Оедоръ свое гумно, пришелъ домой, отложилъ лошадь и говоритъ: «а откуда сало гдѣ?» — «А я откуда знаю?» говоритъ Оедорова старуха. — «Видно, собаки стащили, а я велѣлъ пастуху отрѣзать, говорю: на что-нибудь пригодится», говоритъ старикъ. — «А это чье было сало?» говоритъ Оедорова старуха. — «Я велѣлъ пастуху отрѣзать отъ палой овцы». Только услышала Оедорова старуха эти слова, какъ начала блевать. — «Ты слопала», говоритъ Оедоръ. Какъ начнетъ Оедоръ бить Оедорову старуху кнутомъ, а Оедорова старуха только повторяетъ: «охъ я, охъ я». — У Оедора конопля взопла раньше, чѣмъ у всѣхъ другихъ. Это, видно, оттого, что онъ посѣялъ ее въ мокрой рубашкѣ.

Mon ul'niń bednějeń pastuŭyn d'eŭteŭ. Pańciń bojaryń bukat, vanyń velen zdadat. Stadavanuma teŭteŭneń višks. Mon er'va tu-jimsty kažnyj valčki avarđan, prákam zajsa kavalalyn, palkam noldasa bokam guvalt, tujan gardaz udalga, píriń bačk, veden žudiŭtka, štobu lomať ilamiz nek. Vantana velemaalasy pandy laŭksa, velesty kiť moľet vanca, kijavańt kijak ardě. Mon vešnan veden žudiť eštan gekšems, štobu lomańis ilamam nek. Lomańis vakskanyk ardě, jutasamiz, mon veden žudiŭkstyńt lišan, štobu ilamam nek. Mejl'i maksymiz mirdińiń. Širotat kudysyńt, kafty parějden, ataftum, parěŭne mon mirdińi odavań, auľ rodněŭt, odavań eŭt. Erenek kafty gott, mońceń bakša čačš, tagy kafty gott jutať, kolmočekstěnt Roman čačš. Bedněŭt ul'nińik, orčaf-tums pakšatńi laŭks ěemežä, andums kak ěemeždä, eštan orčams ěemežä. Mon garńiń Veripazyńti oznoma, eštan guluma vešnehe; činiť veńek jaly kuluma vešeń: «Kuluftumak, końmeńeckemat, čit ili vet; vec moľemsty kuluftumak, čem mońań pakšatńi laŭks

Я была дочерью бѣднаго пастуха. Я гоняла барскихъ воловъ, я пасла деревенскія стада. Пасты стадо для дѣвушки стыдъ. Я каждое утро при каждомъ выходѣ плачу, хлѣбъ свой возьму подъ мышку, палку свою пушу вдоль своего бока, иду позади дворовъ, черезъ гумна, по водотекамъ, чтобы люди меня не видѣли. Пасемъ мы на горѣ близъ села, изъ села кто идетъ, я вижу, и по дорогѣ кто скачетъ. Я иду водотека, чтобы мнѣ спрятаться, для того чтобы меня не увидѣли люди. Человѣкъ проскачетъ около насъ, пройдетъ мимо, я выйду изъ водотека, чтобы онъ не увидѣлъ меня. Потомъ меня отдали замужъ. Въ домѣ — сироты, два деверя, свекоръ, девери отъ мачехи моего мужа, не родные, дѣти мачехи. Жили мы два года, у меня родился ребенокъ, опять прошло два года, на третій родился Романъ. Мы были бѣдные, надѣтъ на дѣтей нечего, и накормить нечѣмъ, на себя одѣтъ нечего. Я стала молить Всевышняго, просить себѣ смерти; и днемъ и ночью я все прошу смерти: «Дай мнѣ умереть, кормилецъ ты мой, днемъ или ночью; когда я пойду за водой, дай мнѣ умереть, чѣмъ мнѣ на ре-

nalkšnimada, mońćtań štapy jakams». Mon pek jaly vešén. Mon buty tejeven šožda préveks. Pek nađejiń Pazyńfi, šty son kuluysamam, nađejiń Pazyńt laŋks i kaŋmiń sodama, šty vídĩ kulan. Valćki kapšan, teveń maštan—teveń mašsa dy kulan. Kapšan—brovońne teveń mašsa i učan guluma, učan učan, a kulan. Cokšni provońni teveń mašsa, vembeřt učan taga, kulan. Tafam jakaš ošon, sazyrum turtuŋ ramaš bidyun laŋgaks. Mon moľen titań guduŋ. Sazyrum ĩnefä: «Pataj, mońań bu pary stycät». — «Mejs?» mon geŋkšteńe. — «Vany, tafam bidyunyks laŋga ramaš mońań». — A moń ĩnelezén šo rovno leć: «davaj mońć stasa toń bidyunyńt». Son garmaš mon laŋksa muskyľama. — «Mon vešńan zdycät, pafam-stycä, ton kolasyť, moń amakssyń dońat». — Mon aryń pazavafńiń garča dy ĩnefan: «Kořmaj, toń gećty kuluma vešan, ton amaksat, rodnéen gećty žaľama vešan, ejsen ažalĩť; saŋs řram bovams». — Tafam ĩeři pećkalaŋksa: «Čem ištatt vaľt mařamuda ejdem belďä, kadyk kalasyńžä dy Olaj stasyńžä». Aulińži makst

бять разстраиваться, самой мнѣ ходить голой». Я постоянно сильно просила. Я сдѣлалась будто слабоумной. Очень надѣялась на Бога, что онъ дастъ мнѣ смерть, надѣялась на Бога и стала сознавать, что впрямь умру. Утромъ спѣшу, кончаю свою работу — кончу работу, и умру. Спѣшу — поскорѣе кончу работу, и жду смерти, жду, жду, не умираю. Вечеромъ поскорѣе кончу работу, всю ночь опять жду — помру. Отецъ мой съѣздивъ въ городъ и купилъ сестрѣ на верхъ бедуина. Я пошла въ отцовъ домъ. Сестра моя говорить: «Старшая сестрица, мнѣ бы хорошихъ портнихъ». — «На что?» спросила я ее. — «Вотъ, отецъ купилъ мнѣ верхъ на бедуинъ». — А мнѣ на умъ точно вспало: «давай я сама сошью твой бедуинъ». Она начала смѣяться надо мной. — «Я ищу портнихъ, сестрица-портниха, ты испортишь, я не дамъ тебѣ». — Я стала передъ образомъ и говорю: «Кормилецъ, я прошу у тебя смерти, ты не даешь, я прошу у родныхъ пожалѣть меня, меня не жалѣютъ; пришло — повѣситься». — Отецъ говорить на печкѣ: «Чѣмъ слушать такія рѣчи отъ своего дитяти, пусть испортить да сошьетъ

dařak, iřak i přam povařine. Iřta mon eřen jala. Mejli mirdiř marřa ařčitana čau kudysa. Roman ġecen, mirdiř durtuř meřan: «Ton mež dumat? Roman gasyndařaj, karři mĩnĩnĩk lacy piřĩĩme». Mirdiř mĩeřa: «Koda ina, znam iřta karři piřĩĩme». Mon meřan: «Kabu tonaftums kozěj gak!» — «Mejsy mĩĩ donapsyĩĩk?» — Mon meřan: «Lučy purnak da tonaftyk». Son mořaĩ mĩeřa: «Ton azdasak kodamy purnamuř, mon zodassa. Purnaž atonaftuře. Koda Pas mĩeři, dy iřta. Pas vanyndařasy, makssyĩĩk tonafĩĩme». Mejřa son gařř. Purnyĩe sėrĩeĩe, prooženė učitĩlnau. Tonafĩĩs ře ġod, karmař omboće tonafĩĩme. Sonzy purnyž moraftuma. Mon žĩĩĩk řeĩek oznan Pazyĩĩ: «maksyzy, Kořmajř, pary přeřř». Tonafĩĩs pařće. Učitĩlnĩt mĩeř tuř, popoĩt mĩeř tuř; barckyj zdarystař morařĩĩ martyst, mĩeřezėzy tuř. Mĩĩ zajĩĩĩk dy ořoř uskĩĩĩk. Kaĩdĩĩřeckyjs makssyĩĩk. Meřeć eřař. Popoř mĩeřa: «Pakřař para, ġumařsyĩk tosa, saĩĩĩk tosta, Alakřofkař maksyĩĩk». Bar-

Овдотья». Если бы онъ не далъ, я такъ и повѣсилась бы. Такъ я все жила. Потомъ мы съ мужемъ жили въ пустомъ домѣ. Романъ у меня на рукахъ, я говорю мужу: «Ты что думаешь? Романъ, если вырастетъ, начнетъ страдать, какъ мы». Мужъ мой говоритъ: «Какъ же, знамо такъ же будетъ страдать». Я говорю: «Какъ бы выучить его чему-нибудь!» — «На что мы его выучимъ?» — Я говорю: «Лучше ходи по міру да выучи его». Онъ мнѣ говоритъ: «Ты не знаешь, каково ходить по міру, я знаю. Ходя по міру, нельзя выучить. Какъ Богъ скажетъ, да будетъ. Если Богъ его унасетъ, мы отдадимъ его учиться». Потомъ онъ выросъ. Я собрала его, снарядила, проводила его въ школу. Онъ учился годъ, сталъ учиться другой годъ. Его выбрали рѣтъ. Я день и ночь молю Бога: «подай, Кормилецъ, хорошее пониманіе». Учился онъ хорошо. Учителю онъ понравился, попу онъ понравился; барскій староста пѣлъ съ ними, ему онъ понравился. Мы взяли да повезли его въ городъ. Отдали въ кондитерскую. Жилъ онъ мѣсяць. Попъ говоритъ: «Парень хорошій, погубите вы его тамъ, возьмите его оттуда, отдайте его въ Алексѣевку».

ckyj zda·rystaš me·rā: «Saji·ŋk to·sta. Pa·kšaš para·, kolne·mī
karni tosa·, jumaŋsyŋk». Mīn sajiniŋ ošta, Alakso·fkaŋ ma·ks-
syniŋ. Kojkak jaly kisynzy pandyniŋ počsa·, jamkssa·, jarmaksa·.
Tataza· i·zvojs moľa mežā· kojkak; piščiŋiŋ jala. Piščima·da
žardy·jak vīdna· a lotkatana jak. Nej van ombočeš efa·vi to·naf-
tums, šady valksys a satē, aŋciŋ ja·rmaksa, dy efa·vi pilgizynzy
dy la·ŋgŷzynza, dy kudynyk ka·lać. Tejems nemejsa; šuryŋ žaču-
mat arašt. Vīdiž gak a·lama, moda· a·raš. Skalnyš mijims, pak-
šaŋni vačy ka·duviť. Kndys jal teki apu·tuve. Romanyŋ ġirgasy
moľtanak veše, řiznamudy kulumazynyk a lotkatana jak. Teŋi
marťa kulytana jak. Vešeŋezy šišiŋ. Prodovolštviĵa mīŋaŋiŋ
amaksyť vešeŋē, aŋciŋ kolmoŋē. Čorat ućifiľ, keľi, řratanzat.

Записано отъ старушки Учаевой.

Koda uliis golodnej god, sajiniŋ kabal Anaso·von ġecy de-
šaŋina. Moľeŋēk nuĵime; dešaŋinaš satyć Čardym vėdeŋť kuĵaľ.

Барскій староста говорить: «Возьмите его оттуда. Парень хоро-
ший, станетъ тамъ баловаться, погубите вы его». Мы взяли его
изъ города, отдали въ Алексѣевку. Кое какъ мы за него все время
платили мукой, крупой, деньгами. Отецъ его ѣздиľ въ извозъ за
чѣмъ-нибудь; страдали все время. Видно, никогда и не переста-
немъ страдать. Теперь вотъ надо учить второго, ста рублей не
хватитъ только деньгами, да надо ему на обувь да на одежду, да
изба у насъ развалилась. Сдѣлать не на что; урожаевъ нѣтъ. И
посѣяно не много, земли нѣтъ. Корову продать, дѣти останутся
голодными. Дома все равно не выстроишь. Всѣ мы ѣдемъ на Ро-
мановой шеѣ и не перестанемъ, вѣроятно, скорбѣть до самой
смерти. Съ этимъ же и поремъ. Всего (насъ) семеро. Продоволь-
ствіе намъ даютъ не всѣмъ, только тремъ. Сынъ твой, моľъ,
учитель, прокормить тебя.

Когда былъ голодный годъ, мы брали у Аносова въ кабалу
десятину. Мы отправились жать; десятина досталась вдоль рѣки

Roman ul'niš pakšynä. Vašin deŭterniš sedī pokške. Viška parēj-deš eŭt vanč. Sončenzы čisty kumuŭa taŭe, mirdim žgamunzy nuje, bratyza udalynzy ašči jala, tarvazynt čarafty dy morė, a mon pakšatniin vakssy dy sėredečant vakssy aščan; nekoŭ gadums, nedlaŭ beŭt nujiinik ejsėnza. Koda kepeti pižimi, mirdim komapš ridvatt, teješ šalaž. Son zajiži sėfedečant bratynza, mon pakšant Romanyŭ, pokš teŭter bakšyniš vakssyn. Pižiš, pižiš pižimiš. Koda tujä alganyk ved', tejeŭš jakšama, valckä kelimšekšneček. Jarcams teček nemezda. Kšynyk veša. Pakšatni vešet, miŭnaŭnik maksums araš. Pašiba Anasuvniin, jamkskit makšš, kašyni pidinik, sedy jarcyinik. Kemgaftovy škirda nujiinik; mirdim geđezy ištaška tar-gyjš. Našila meček.

Записано отъ старушки Учаевой.

Minik ka-rčy eŭi ve loma-n le-mezy Ma-tvij. Ma-tvijin araš kardazy-za, araš o-rtaza. A-ŭcak ku-dynzy u-dala ašči viška

Чардыма. Романъ былъ маленькимъ мальчикомъ. Первая дочка не много старше. Младшій деверъ пнячилъ дѣтей. Его каждый день была лихорадка, мужъ мой жнетъ одинъ, братъ его все-сзади него вертитъ серпомъ и поетъ, а я сижу около дѣтей и около больного; некуда оставить, цѣлую недѣлю мы ее жали. Когда поднялся дождь, мужъ мой опрокинулъ телѣгу, сдѣлалъ шалашъ. Онъ взялъ больного своего брата, а я малаго Романа, а старшая дѣвочка около меня. Шелъ, шелъ дождь. Когда пошла вода подъ насъ, сдѣлалось холодно, утромъ мы было замерзли. Ёсть намъ нечего. Хлѣбъ весь. Дѣти просятъ, намъ дать нечего. Спасибо Аносову, онъ далъ намъ пшеница, сварили мы кашку, ея поѣли. Двѣнадцать скирдъ мы нажали; у мужа рука вотъ такая вспухла. Наеиу мы вырвались.

Противъ насъ живетъ одинъ человекъ по имени Матвѣй. У Матвѣя нѣтъ двора, нѣтъ воротъ. Только за его домомъ стоитъ

ka·rdyné. Ma·tvij — o·ho·tńik; u·li ru·žyja·za, a kiska·t, ža·ry ež ve·tńe, ve·jkijak kecè·nzy a e·re. Moń a·vam sty; koda· ulńiń vi·škińe, mon gak ma·rtynzy styń. Mi·ńik u·lńiś ki·skanyk, le·mezy Bu·jan. Bu·janyś u·lńiś vi·ška va·šyška. Věst ašciń žokśńi, mon zdan. Buja·nyś va·lmaly u·dy kudybokala·ŋksa. Styń, styń, ma·rasa — Buja·nyś ka·rmaś vėlafńi·me. Měli ka·rmaś o·ŋgoma, či·jńińe, ka·unuma i mu·kuryńt iśta· va·lmańtiń neža·dize, va·lmaś na·tyj ča·tyrdě. Mon varšta·ksyńiń va·lmavańt dy Buja·nyś ašči va·lmańt ka·rča. Mon ždi·ń, mo·lan li·ja va·lmas. Vanca — Buja·nyń ka·rča puly·nzy laŋksa loŋ žušmy laŋksa ašči véŋge·z. Mini·k Buja·nyś pokś, a véŋgezěś ka·ŋkśt šedi pokś. Ašči vé·ŋgezěś puly·nzy la·ŋksa, a šelńenzy buty tol baly·t. Mo·n moľeń tagy· vaśiń va·lmańtiń, konańiń Buja·nyś mukuryńzy pśči·dize, stu·kadiń kaŋkśt va·lmańt, dy še·ŋgeděń: «Buja·n, uzy». Bu·janyś skokač kudybo·kańt la·ŋksta, gru·tcynzy, iśta· pek vé·ŋgezěńt, va·čkidize, vé·ŋgezěś na·taj gunct praś. Na·puśtaś véŋgezěś Mat-

маленькій хлѣвушокъ. Матвѣй — охотникъ; у него есть ружье, а собаки, сколько онъ ихъ не водить, ни одна не живетъ у него. Мать моя шьетъ; когда я былъ маленькимъ, и я шилъ съ нею вмѣстѣ. У насъ была собака, по имени Буянъ. Буянъ былъ съ маленькаго теленка. Однажды я сидѣлъ вечеромъ, я шью. Буянъ спитъ подъ окошкомъ на заваленкѣ. Я шилъ, шилъ, слышу — Буянъ началъ ворочаться. Затѣмъ онъ началъ лаять, визжать, скалить зубами и такъ прижалъ свой задъ къ окну, что окошко даже затрепало. Я хотѣлъ было посмотрѣть въ окно, да Буянъ стоитъ противъ окна. Я всталъ, иду къ другому окну. Вижу — противъ Буяна на хвостѣ на кучѣ снѣга сидитъ волкъ. Нашъ Буянъ великъ, а волкъ вдвое больше. Сидитъ волкъ на хвостѣ своемъ, а глаза его точно огонь горятъ. Я пошелъ опять къ первому окну, къ которому Буянъ прислонилъ свой задъ, стукнулъ два раза по окну и крикнулъ: «Буянъ, вызы». Буянъ соскочилъ съ заваленки, спудилъ волка, такъ сильно ударилъ его, что волкъ даже упалъ наизничъ. Волкъ побѣжалъ въ сторону Матвѣя. Буянъ побѣжалъ

vijín be·leñ. Bu·janyś na·puśtaś me·lganza. Še škañt liśś šabra·ñ
 ġi·skiñe, na·puśtaś Buja·nyñt marta ve·rgezènt me·lga. Pa·niž
 ve·rgezènt Ma·tvijín gu·dyñ udalu·u, kurudyž ga·rdyññt bo·kas.
 Vergezès vancy — teft be·rátt. Koda ka·puđiži šabra·ñ ġi·ski·
 ññt. Kiskiñiñtij, vanat, pek ma·ra·ś. Koda· karni ġi·jñime. Mat·
 vñj u·lñiś pečkala·rksa, kepe. Ma·řiži ki·skiñiñt ġijnima·da, čar·
 ki·ć, šty te verge·z. Ka·puđiži Ma·tvij ružyja·nza, liśś uśu·u,
 va·ney ka·rdyññt bokasy kiska·tñi tu·rit vergez ma·rta. Čijś
 Ma·tvij ki·skafññ vakss, vergezès kiskafñi·da na·puśtas. Ma·tvij
 na·puśtaś ve·rgezènt me·lga. Ve·rgezès a·rdè ardè, Bu·janyś sa·
 sasè; ku·ndasy la·škady, ki·rdi ejsenza. Še· škañt ġiji malaq
 Ma·tvij. A·ñćak bu vergezènt va·čkidims, ve·rgezès ta·gy na·
 pušte. Ta·gy sasa·sy Bu·janyś, ta·gy ki·rcè, tagy vi·dizyst ġiji
 Ma·tvij. A·ñćak bu va·čkidims, ve·rgezès tagy me·ne. Išta ver·
 gezènt ma·rty Bu·janyś ma·niž Ma·tvijín va·jgilbeñ da·rkaška
 ve·ledènt. Meñi ve·rgezès na·puśtaś šedi bo·jkasta, a Bu·janyś,

за нимъ. Въ то время вышла сосѣдская собачка и побѣжала
 вмѣстѣ съ Буянѣмъ за волкомъ. Погнали волка на зады Матвѣева
 дома, загнали къ стѣнѣ хлѣвушка. Волкъ видитъ — дѣло плохо.
 Какъ схватитъ сосѣдскую собачку. Собачкѣ, видно, больно пока·
 залось. Какъ начнетъ она визжать. Матвѣй былъ на печкѣ, босой.
 Услышалъ онъ визгъ собачки, понялъ, что то волкъ. Схватилъ Мат·
 вѣй свое ружье, вышелъ наружу, видитъ — у хлѣвушка собаки
 грызутся съ волкомъ. Побѣжалъ Матвѣй къ собакамъ, волкъ
 убѣжалъ отъ собакъ. Матвѣй побѣжалъ за волкомъ. Волкъ ска·
 четь, скачетъ, Буянъ его догоняетъ; схватить за ляжки, держать
 его. Въ то время подбѣгаетъ Матвѣй. Только бы ударить волка,
 волкъ опять убѣжитъ. Опять схватить его Буянъ, опять держать
 его, опять къ нимъ бѣжитъ Матвѣй. Только бы ударить, волкъ
 опять вырвется. Такъ Буянъ вмѣстѣ съ волкомъ заманили Матвѣя
 на разстояніе около версты отъ села. Затѣмъ волкъ побѣжалъ ско·
 рѣе, а Буянъ, видно, утомился, пошелъ въ сторону, легъ на жи·

vanat, šiziš, tuš vépeleŋ, mač peke·nzy laŋks dy nolci la·pkanza. Še·sty a·ńcak Matvij fa·taš, šty son gepe ašči koŋelka·va loŋ bo·ca. Koda tu·ji čijiŋe, čiji, či·ji, pu·puŋde. Čijs koj ka·k ku·du·ŋ, kušš pečkala·ŋks, kepeŋe·nzi pi·lginzy vé·reŋ. Kafty ŋedlat Ma·tvij aščiš ke·peŋe bi·lkt i išta· pek pižniš, na·taj ulča·ń droks mek mi·ńańik maŋa·uś.

Записано отъ Р. О. Учаева.

Васыцть кафты ломатть и кармасть кортама. — Кода тефь-не? мери вейкесь. — Беда! мери омбоцесь. — Неймень беда, коли миникъ пельксесь изъне! — Миникъ пельксесь изъни ды ко-ланинь гонанинь пекъ салуу. — Кода салуу? — Кода! Ваны тонь зёрат салъ, а монь олгэн бултызь. — Мон зёраньть кис а риз-нан, аныцкы бу миникъ пельксесь изъняль. А тонь госты олгэт пултызь? — Одзёрэнетъни чокшневътень злыдарьдить и морэть од морэт, а полицейскэйтъни эйсэст куньцить. Сыть миникъ пеу,

вотъ и лижетъ свои лапы. Только тогда Матвѣй хватилъся, что онъ босой стоитъ по колѣна въ снѣгу. Какъ пойдетъ онъ бѣжать, бѣжить, бѣжитъ, упадетъ. Прибѣжалъ кое-какъ въ домъ, влѣзъ на печку, поднялъ ноги кверху. Двѣ недѣли Матвѣй лежалъ съ поднятыми ногами и такъ сильно кричалъ, что ивда даже черезъ улицу намъ было его слышно.

Встрѣтились два человѣка и начали говорить. — Какъ дѣла? говорить первый. — Бѣда! говорить второй. — Теперь что за бѣда, когда одолѣваетъ наша половина! — Наша половина одолѣ-ваетъ, да кое-кому очень солоно. — Какъ солоно? — Какъ! Вотъ твоего сына взяли, а мою солону сожгли. — Я не печалюсь за сына, только бы одолѣла наша половина. А твою солону гдѣ со-жгли? — Молодые парни вечеромъ шатаются и поютъ новыя пѣсни, а полицейскіе ловятъ ихъ. Придутъ въ нашу сторону,

зай эрва полицэйскэйсь монь омѣцты везанка олга, ды кирвайсы ды эжне. — Ды косы тонь олкне? — Кардаз удалуу усекшнынь, седи малау, ды ней полицэйскэйть эжлян.

Ве ава Порт-Артурыньтинь мерьць Орта-тула. Се авась марясь улыцясы лия авань бельди, шты Порт-Артурыньть саязь Япония. Сась авась кудуу ды мирьдинцтынь мере: «Лёф! а Лёф! Ортатулыньть саязь». А мирьдись думи сынцт ортатулыст кияк саизи и мери козяйканьть карча: «Кона нона саизе? Принсы лазумс уливил!» — «Ойнасы саязь!» мери козяйкась. — «Мень нонань гис тоу зайзь? Мень понат тосы мартынзы тейнеть?» мери мирьдись. Козяйкась кармась ёфнеме: «авуль зынцит ортатулыньть саязь, а Порт-Артур городяньть саизь Япония Руснынь гефта». — «Нонатыни а улитъ Порт-Артур городяньть марта, эряви як пекъ.

возьметъ каждый полицейскій вязанку изъ моего омѣта да зажжётъ и грѣтся. — Да гдѣ твоя солома? — Я свезъ позады двора поближе, а теперъ грѣю полицейскихъ.

Одна старуха называла Портъ-Артуръ Орта-тула [воротняя втулка, воротній запоръ]. Эта старуха услышала на улицѣ отъ другой женщины, что Японцы взяли Портъ-Артуръ. Пришла старуха домой и говоритъ своему мужу: «Лёвъ! а Лёвъ! Взяли Ортатуль». А мужъ думаетъ, что кто-нибудь взялъ ихъ воротній запоръ и говоритъ въ отвѣтъ женѣ: «Какой чортъ взялъ? Разбить бы его голову!» — «На войнѣ взяли!» говоритъ жена. — «На коего чорта взяли его туда? Что сдѣлають черти съ нимъ тамъ?» говоритъ мужъ. Жена начала говорить, что взяли не ихъ воротній запоръ, а городъ Портъ-Артуръ взяли японцы у русскихъ. — «Пропади эти черти съ городомъ Портъ-Артуромъ, больно ужъ

А мон цалы, миникь ортатулыньть сазь, бачкинъ бачк танда-
дыкшынь», мери мирьдисъ козяйканъть карча.

Госьтесъ. (Невсь тейтерьбакшанъть ланкс). — Кщирьди
што-ли?

Авась. — Вай, а кщирьди. Монъць как эйсэньзы ванцтан.
Ушка сюкуртнынъ варчтасынь. (Варчтась пецькас).

Тейтерьбакшась. — Авай, дуика нацям.

Авась. — Ази-ази! эйдякай, кусть пецькаланкс.

Госьтесъ. — Продовольствянкъ сатыць?

Авась. — Арасъ! нили улафт истяк састъ Кенат розъ марты
як састъ, сетъ как авуль веси ускизъ. Тынкъ косы од гудысь?

Госьтесъ. — Эль аздасак ташты тарканъть...

Авась. — Земскэй начальникиньть кисканъ андыцясь ёфнесъ,
Москоўсы студетнэ некъ ламы ломаттъ чаўсть.

вужно. А я думалъ, что взяли нашъ воротнѣй запоръ, очень я
испугался», говорить мужъ въ отвѣтъ женѣ.

Гость. (Показываетъ на дѣвочку). — Придетъ что-ли?

Женщина. — Охъ, не придетъ. Я и сама ее караю. Дай-
ка я посмотрю на лепешки. (Посмотрѣла въ печку).

Дѣвочка. — Матушка, дай-ка мой платокъ.

Женщина. — Ступай-ступай! дитятко, лѣзь на печку.

Гость. — Продовольствія вамъ хватило?

Женщина. — Нѣтъ! четыре воза пришли пустые. И тѣ, ко-
торые прѣхали съ рожью, не всю привезли. Гдѣ вашъ новый
домъ?

Гость. — Или не знаешь стараго мѣста...

Женщина. — Псарь земскаго начальника говорилъ, что въ
Москвѣ студенты убили очень много людей.

Госьтесъ. — А миньдяникъ, кели, кияинась пасиба ётэ: аламы пултыникъ. .

Авась. — Кода серьдешнэйтъ менеди Заотца?

Госьтесъ. — Заотцы минь газакниинь аулиникъ пункт ды винась мешась. (Эрьзятъин, кода мольцъть Елчанскый уутирынть пултама, муизь барцкый винатъинь, зимсть ды казакни весень гуньцизь).

Авась. — Тон гак ульнить Заотца?

Госьтесъ. — Мон Заодов эзень яка, монъ гаднымизь гонёхкс.

Авась. — Кода пны чарькидиди, шты казакт састъ?

Госьтесъ. — Кода! Минь вантана барцкый алашатъинь; ванцыникъ, эрьзятъин Заотцы ардыть прянь-бодань зиньдизь. Кона а ярдэ, нолдасы алашанть, сонъць пеликулысты туи кудуу.

Авась. — Вай! зерьдешнэйтъ.

Госьтесъ. — Акиминь Гостя арць, алашанть ланксты а валгуве, пекъ тандаць. Мон мерян: Госьтя! меств тоса? А сон гаш-

---

Гость. — А намъ, говорить, княгиня сказываеъ спасибо: не много мы сожгли.

Женщина. — Какъ вы, сердечные, вырвались съ Завода?

Гость. — На Заводѣ мы не попалъсь бы казакамъ да вино помѣшало. (Мордвины, когда ходили жечь Елчанскій хуторъ, нашли барскія вина, выпили, а казаки переловили всѣхъ).

Женщина. — И ты былъ на Заводѣ?

Гость. — Я на Заводъ не ходилъ, меня оставили конюхомъ [караулить барскихъ лошадей Сухокарбулацкой экономіи].

Женщина. — Какъ же вы узнали, что пришли казаки?

Гость. — Какъ! Мы пасемъ барскихъ лошадей; видимъ, что мордвины скачутъ, не жалѣя своихъ головъ, съ Завода. Который не скачетъ, пустить лошадь, а самъ полумертвымъ идетъ домой.

Женщина. — Охъ! сердечные.

Гость. — Акимовъ Костя прискакалъ, не слѣзетъ съ лошади, очень испугался. Я говорю: Костя! что тамъ? А онъ мол-

моле. Захарынъ Анисимъ мере: «чавуды эйсэны; мекс сон а ёфтэ!»

Авась. — А Заодэнь бултамы чидынъть икили месьть тейнеде?

Госьтесъ. — Сесты тefыни мольцъть: молят барцкый гардазуу, зывиль зяры мелет; ярпат-теят ды кудуу.

Авась. — Ды тынынь мейсты кармиде?

Госьтесъ. — Икиливъ гак моленекъ олоснэй управа икиливъ. Олоснэй бисырисъ лиссъ, кармасъ сёрмалимапык. Минъ зонзы капудиникъ ды жигилёфкас пекстэнекъ. Мелья туиникъ барцкый гардазуу. Барцкый гардазынъть пултынникъ, карминикъ тоўзеры яўшыме. Омбоци чинъть миньдяникъ яўшималь зготенасъ ды коромось, а миникъ кулумысь кандымизъ Заодэнь пултама.

Авась. — Ней ванат кискатьнинъ гак саньсы теста?

Госьтесъ. — Кода а сайсынъси, попонэк как оргоць... Темень ура? Ауль чабатарьничить?

Авась. — Кодамы чабатарьничама; васыня куш барчтинаса

чить. Захаровъ Анисимъ говорить: «бейте его; чего онъ не говорить!»

Женщина. — А передъ днёмъ, когда сожгли Заводъ, что вы дѣлали?

Гость. — Тогда дѣла шли (хорошо): пойдешь на барскій дворъ, мяса сколько хочешь; поѣшь немного, да домой.

Женщина. — Да вы съ чего начали?

Гость. — Сначала мы пришли передъ волостную управу. Волостной писарь вышелъ, началъ насъ переписывать. Мы схватили его и заперли въ жигулевку. Потомъ мы пошли на барскій дворъ. Барскій дворъ мы сожгли, начали дѣлать пшеницу. На другой день намъ бы раздѣлить скотину и кормъ, а лѣпшій понесъ насъ жечь Заводъ.

Женщина. — Теперь видно даже собакъ она взяла оттуда?

Гость. — Какъ не возметъ ихъ она, даже попъ нашъ убѣжалъ... Это что за шило? Не сапожничать ли?

Женщина. — Какое сапожничанье; раньше хотъ на барщинѣ

гривнань битне работась, а ней зе як арась. Ащат-ащат истяк ды кундат мейс как. Куш эрва теменьть певь мекь ветямунзы амаштана, а ялы мезияк лисе... А ней месьть преўсэнк?

Госьтесь. — Недлячисты думиникь пурнауы управаў дребувуньянь зёрмадума.

Авась. — Ней эрьзянь верень зямийсь коса?

Госьтесь. — Саратуўса. Ней бу неемс ды тоначивь брово-
жамс.

Авась. — Ней, зей, зоньцензы куда?

Госьтесь. — Я, цей, эрьсятининь бонксэст как нельгененьзе...
Темень жлабикь?

Авась. — Те слабикись Марюў бабань. Марюў бабам уль-
нись Осанвелень. Кода лиссь миникь велевь, максызи те слаби-
киньть Ковра бабанинь, а Ковра бабам максызи монянь. Ковра
бабась ульнись монь роднэй бабам, авань аваза.

онь работалъ за плату въ гривенникъ, а теперь и этого нѣтъ.
Сидишь-сидишь безъ дѣла да возьмешься за что-нибудь. Хотя
каждое дѣло мы не умѣемъ довести до самаго конца, а все что-
нибудь выйдетъ... А теперь что у васъ на умѣ?

Гость. — Въ воскресенье мы рѣшили собраться въ правленіе
писать требованіе.

Женщина. — Гдѣ теперь пьющій мордовскую кровь?

Гость. — Въ Саратовѣ. Теперь бы увидѣть его и проводить
на тотъ свѣтъ.

Женщина. — Теперь, чай, у него домъ?

Гость. — Да, чай, онъ стаскивалъ съ мордвиновъ даже штаны
— Это что за слабикъ [женскій головной уборъ]?

Женщина. — Этотъ слабикъ старухи Маріи. Старуха Ма-
рія изъ деревни Осановки. Когда она вышла къ намъ въ деревню,
она дала этотъ слабикъ бабушкѣ Хавронѣ, а бабушка Хавронья
дала мнѣ. Бабушка Хавронья была моей родной бабушкой, ма-
терью моей матери.

Ве атя мольць шабрас гиря вешеме. — Э-э-э! сук тенкь! — Сак тенець! — Месть вадьятъ? (А шабрась сёвоньцы вадьи галанка лазуўкс). Тонь бельбондэт уле? — Арась! — Мезет инь ули? — Пондом! — Ну, тон дай бондэвэть! — Санькь, ды тон гандыкь! — Тоньць как молят. — Продовольствянэть мельга тоньць штоли якить? — Арась, рестанынэть кучинье. — Ней года асатуманэть марта? (Эрьзятынэнь эзь заты продовольствияет). — Полномочийнытны магазей утуметы макссызь асатуманэть. — Сынъ года смеет магазей утуметы сюрынэть токамунзы? Ды магазей утумсы аныцкь кемгозмовы понда. — А се розенэть зиярц чеерэть сэвезь. — А Араба тусь магазей утумуў розь мельга? — Араба уш сась. — Рость усксь? — Ванат усксь: месть бутя суфне. — Полномочинийтнынь зыныцкь росьни старыста марты саймалэть! — Арабань буль бочтэзы арась. — Цей минь максныкь тензы колэньгемень γунт. — Цей мондянь гак якась;

Одинъ старикъ пришелъ къ сосѣду просить гирю. — Э-э-э! поклонъ вамъ! — Иди къ намъ! — Что ты обмазываешь? (А сосѣдъ обмазываетъ трещины голанки глиной). У тебя есть пудовая гиря? — Нѣтъ! — Что же у тебя есть? — Пудовая гиря! — Ну, ты дай пудовую гирю! — Возьми, да ты принеси! — Ты самъ придешь. — За продовольствіемъ что ли ты самъ ходилъ? — Нѣтъ, я послалъ арестанта [сынъ этого старика только что вернулся изъ острога]. — Теперь какъ съ нехваткой? (Мордѣ не хватило продовольствія). — Уполномоченные выдадутъ захватку изъ магазиннаго амбара. — Они какъ смѣютъ трогать изъ изъ магазиннаго амбара? Да въ магазинномъ амбарѣ только тринадцать пудовъ. — А ту рожь скоро съѣли мыши. — А Араба [прозваніе одного крестьянина] пошелъ въ магазинный амбаръ за рожью? — Араба ужъ вернулся. — Рожь онъ привезъ? — Видно, привезъ: что то скрайваеть. — Слѣдовало бы взять рожь у самихъ уполномоченныхъ вмѣстѣ со старостой! — У Арабы нѣтъ ни пылинки муки. — Чай, мы дали ему тридцать фунтовъ. — Чай онъ

мон мерян: ады куш вант, эстяныгак педьлас как а сатыть. — Азя! Оеда, максыкъ пондэньть. — От! Миша туутыныи раминьзи колэньгемень золковоень битыне, а миньзи колэньгемень нилинь битыне. — Кодамы Миша!? — Дёгодь Мишась.

Сась ве ломань жабрас, сувась ды лексезеуьсь. — Э-эх! мекс уш пекъ якшама! — Иля корта, кум. Пекъ штоли якшама? — Цей вант нень ланкс (цёрась неуьсь вальматьини ланкс, конат ульнисть нестьятт кельмеуькст, шты аныцкь тонадызь можнат ловомс вальмакс). — Тоньць якат как пенцакса. — Цей авуль ги ланкс, кудысты тей года як пачкидяи. — Ульцясы мезень жум? — Сывиль микшнить. — Кода? — Вете! — Кода мие? — Ярмакыт максыкъ, сывилиньть саякъ, веси сеса. — Тон ванат Ёлчанкасы удить?¹⁾ — Нама! — Кона порава сыть? — Валцке. —

1) Мордва їздили за продовольственнымъ хлѣбомъ въ Чардымъ, чрезъ Елшанку, опоздали и ночевали въ Елшанкѣ. Дѣло было въ святки, и нужда погнала мордвовъ по деревенской знати славить Христа. (Прим. Р. Ѳ. Учаева).

и ко мнѣ приходилъ; я говорю: иди хотъ взгляни, самому мнѣ и на недѣлю не хватитъ. — Ступай! Оеда, дай пудовую гиру. — Вотъ! Миша купилъ свиней за тридцать рублей, а продалъ за сорокъ четыре. — Каковъ Миша!? — Дёготъ Миша [«Дёготъ» прозвище отъ торговли дѣгтемъ].

Одинъ человекъ пришелъ къ сосѣду, вошелъ и прокряхтѣлъ. — Э-эхъ! ужъ что за сильный холодъ! — Не говори, кумъ. Очень сильный холодъ развѣ? — Чай, посмотри на нихъ (мужикъ показалъ на окна, которыя были такъ заморожены, что только по привычкѣ можно было счесть ихъ за окна). — А самъ ты ходишь въ пинджакѣ. — Чай не въ дорогу, изъ избы сюда какъ-нибудь дойду. — На улицѣ что за шумъ? — Продають мясо. — По чемъ? — По пяти копеекъ. — Какъ онъ продаетъ [т. е. въ долгъ или на чистыя деньги]? — Отдай деньги, возьми мясо, всё тутъ. — Ты, видно, ночевалъ въ Елшанкѣ? — Знамо! — Въ какую пору

А моньдянь Гулинка ёфтась — обещта. Яжамы а нороват моле-
ме? Моп горомс сырган, чалмыть дровнятынй! — Дров-
нятынй эсьтянь эрявить, мельнецяў.—Мельнецяў якат пурца. Ды
тон үотёл ажамы кщеньяды мельи, а сыргат ней. — Кода Ёл-
чанкасы попоньтень моледи славама? — Кода? моленекъ, комсь
трёшняникъ максъ. — Местъ мерьць? — Соньць эзь лисьни як,
козьяйказы лиссь ды максъ.—Мельи местъ? — Местъ? пачкынъ-
бачк ужиныникъ.—Аньцяк попоньтей якиде?—Авуль, ищи кодамы
бути боярнынь якиникъ; се максъ ведьгемень дрёшняникъ. А Чар-
дымсы якиникъ учителинйть, се максъ ве гривна. А Чардым-
скый боносъ эзь банчт как. — Алашатынинйнь гак цей местъ как
рамсиде? — Алашатынинйнь гудыстынь гором ульнисъ. — Ку-
дыс кармасъ эжеме! мери атясь. — Толэсь кырыницынйнь бачк
цитирды тей мекъ, мери карчинзы цёраза. — Нейкъ уш ляк-
стумсь, мери атясь.—Кисъ пара? тагы кеўкстези атяпть цёрасъ

ты приѣхалъ? — Утромъ! — А мнѣ Акулина говорила — въ
обѣдъ. Не собираешься ѣхать молотъ? Я собираюсь за кормомъ,
опростай дровни! — Дровни самому мнѣ нужны, на мельницу.—
На мельницу поѣдешь на саяхъ. Да ты хотѣлъ молотъ послѣ
крещенія, а собираешься теперь. — Какъ вы въ Елшанкѣ ходили
славить къ попу? — Какъ? пришли, онъ далъ намъ двадцать ко-
пеекъ. — Что онъ сказалъ? — Самъ онъ не вышелъ даже, жена
его вышла и дала. — Потомъ что? — Что? поужинали. — Вы
ходили только къ попу? — Нѣтъ, мы ходили еще къ какому-то
барину; тотъ далъ пятнадцать копеекъ. А въ Чердымѣ мы хо-
дили къ учителю, тотъ далъ одинъ гривенникъ. А Чердымскій
попъ даже и не отперъ. — Чай, и лошадямъвы кое-что купили?
— Лошадямъ былъ кормъ, изъ дому взятый. — Изба стала на-
грѣваться! говоритъ старикъ.—Огонь выбиваетъ черезъ кирпичи
даже сюда, говоритъ въ отвѣтъ ему сынъ его.—Теперь ужъ пе-
ремѣнился воздухъ, говоритъ старикъ. — Дорога хорошая? опять
спрссилъ стариковъ сынъ пришедшаго къ нимъ человѣка. — Мы

сыньдьяет сыця ломанинь. — Минь зыникъ, парылъ, веть кой-гить састъ, мереть берянилъ. — Цей Заодэньтэ пачк ютамсты пельтада? — Пельтяна! а вантана як. — Мекс дыкват эзеть печксе? мера атясь цёранцтый. — А те авуль давътый? кеукстези цёрась тятяньтэ, неўсь ве дыква ланкс. — Тынкь улишь дык-ванк? кеукстези цёрась сыньдьяет сыця цёранть. — Улитъ! мери те карчинзы, минь рамивикъ нилл ост, эрьва озэньтэ кисы панды-никъ ве цолковой ды комсветен копийка. Коў ней доньц сыр-гат? — Молян, вазныньтинъ дыквинить каян.

Те теў улынись: Ве ломанинь улынись бурый эльдезы ды сивой меренэза. Сась сокамы ланга. Сась ломанись паксясты со-камста, бурый эльдесъ вапнясь. Ломанись и думе: вандый бурый эльденътэ сокамы кильдимс а еряве, сави аныцяк меренэньтэ тунмс. Сась валцкинъ зоря. Эрьзяньтэ козийказы кармась эрь-

---

пріѣхали, была хорошая, ночью кое-кто пріѣхалъ, говорятъ, была плохая. — Чай вы боитесь проѣзжать черезъ Заводъ [одинъ изъ экономическихъ хуторовъ, гдѣ во время аграрныхъ безпорядковъ стояли казаки]? — Боямся! и не сможемъ даже. — Отчего ты не наѣзжалъ свою тыкву, спрашиваетъ старикъ сына. — А эта не сладкая? спросилъ сынъ отца, и показалъ на одну тыкву. — У васъ есть тыквы? спросилъ сынъ у пришедшаго къ нимъ мужика. — Есть! говоритъ ему въ отвѣтъ этотъ, мы купили четыре воза, за каждый возъ мы заплатили одинъ рубль да двадцать пять копеекъ. Куда ты теперь собираешься? — Я пойду брошу тык-ковки теленочку.

Это было въ дѣйствительности: У одного человѣка были бурая кобыла и сивый меринъ. Наступила пора пахоты. Пришелъ чело-вѣкъ съ поля съ папши, бурая кобыла ожеребилась. Человѣкъ и думаетъ: завтра не слѣдуетъ запрягать пахать бурую кобылу, придется отправиться только на меринѣ. Наступила утренняя зоря.

зяньть стяфтума паксяў. А эрзясь мере: мон уш талай здялинь, ды пелян поподава бурый эльденьть эземс сивой меренэньть кундамс, кадыкь парьцтине ашилгадэ. Парьцти ашилгаць, чизы лисьсь. Эрзясь стясь, кильдизи бурый эльденьть паксяў, а вашыны кадызи сивой меренэньть ваксс. Сокась эрзясь обец. Обед борава юты ума певанса содавикс ломань. — Ней уш паньдя сокамс, андыкь бурый эльденьть, ды сивоенить коў-деек? мери ломаньць. — Эль де мон бурый эльцэньть сокан? Ванька, кода манявинь: ведь монь бурый эльдес вашысь, и мон думинь-арьцинь зонзы оймамы кадуманса, а сон атак фатя кундыне сокама, а тарказыны сивоенить кадыне; пачкыньбачк манявинь — мери эрзясь. Озась эрзясь бурый эльдензы ланкс, тусь кудуў. Сась кудуў, бурый эльдес вашыньть малау гак а полдэ, и вашысь малазыны а моле. Юмась-арась вашысь. Кодатт чавыпреветь седикили улыньть ломаттне!

Эрзякова жена стала будить эрзяка (идти) на поле. А эрзякь говорить: я ужь давно бы всталъ да боюсь въ темнотѣ взять бурую кобылу вмѣсто сиваго мерина, пускай лучше разсвѣтаетъ. Разсвѣло хорошо, солнце взошло. Эрзякь всталъ, впрягъ бурую кобылу (ѣхать) на поле, а жеребенка ея оставилъ около сиваго мерина. Пахалъ эрзякь до обѣда. Въ обѣденную пору проходить по концу его загона знакомый чловѣкъ. — Теперь ужь довольно пахать, покорми бурую кобылу, а сиваго куда ты дѣль? говорит тотъ чловѣкъ. — Или это я пашу на бурой кобылѣ? Посмотри-ка какъ я ошибся: вѣдь моя бурая кобыла ожеребилась, и я думалъ-гадалъ оставить ее отдохнуть, а ее, не спохватившись, взял пахать, а вмѣсто нея оставилъ сиваго; совѣмъ я ошибся — говорит эрзякь. Сѣлъ эрзякь на бурую кобылу, поѣхалъ домой. Прибылъ домой, бурая кобыла и близко не подпускаетъ къ себѣ жеребенка, и жеребенокъ къ ней не подходитъ. Пропалъ жеребенокъ. Каковы безмозглы были въ старину люди!

Васыцць кафты цѣрат ульця кунчкас.

Васпыццись. — Кода тэфыни кум?

Омбоцесь. — Месть кода, Викилынь горомонь заламсты кундыне.

Васпыццись. — Се кода пстя?

Омбоцесь. — Кода! аразьди кармат грехс сувама; авудынь гецэи ды пара.

Васпыццись. — Кода кундыкь?

Омбоцесь. — Кода! веть сырғизинь ды а матидиван, а весь ульнись валда. Варчтынъ вальмава, а удалды проволкава сы ломанъ. Теусъ ульнись пеливешкане. Молецъ-молецъ ломанисъ, веляусъ Матвѣинъ гардайс. Мон цалы—Матвѣий. Мейли, кода ванан, Матвѣинъ гардаисты лиссъ, тусъ Викилынь. А сон Викил, аньцяк кивить Матвѣинъ гардайс теесе. Мон зеск эзень мольть коромом варчама, а моньць думан: ужы ваньк коромось монъ. Валцки кармасъ ашылгадума, мон лисинъ ульцяў. Ащинъ аламус, лиссъ Петраинъ Максимъ. Мон зерьгедени Максиминъ и туиникъ пири

Встрѣтились два мужика на серединѣ улицы.

Первый. — Какъ дѣла, кумъ?

Второй. — Чего, я поймалъ Викулу на воровствѣ корма.

Первый. — Это какъ такъ?

Второй. — Какъ! развѣ станешь соваться на грѣхъ; я развелъ руками да ладно.

Первый. — Какъ ты его поймалъ?

Второй. — Какъ! ночью я проснулся да не могу заснуть, а ночь была свѣтлая. Посмотрѣлъ я въ окно, а по заднему проулку идетъ человекъ. Дѣло было въ полночь. Шелъ-шелъ тотъ человекъ вернулся къ Матвѣеву двору. Я подумалъ—Матвѣй. Потомъ, какъ вижу, онъ вышелъ изъ Матвѣева двора, пошелъ къ Вакулу. А это Вакулъ, только путь онъ продѣлалъ въ Матвѣевъ дворъ. Я тогда не пошелъ посмотрѣть на свой кормъ, а самъ я думаю: ужъ видно кормъ мой. Утромъ начало разсвѣтать, я вышелъ на улицу. Побылъ я не много, вышелъ Петрухинъ Максимъ. Я закричалъ

варчама. Мольтяна проволкаванъть, а проволкаванъть уш ки бути ютась. Карминикъ киксынъть ваннума, мезияк аздаве. А се моле-цясь ульнисъ Викил; аныцяк валцкинъ зоря появась, сон гильць алаша ды сонъцензы пириу горомс тусъ. Нолдзи алашанъть венъ гитънинъ эзга, а сонъць моли алашанъть мельга ды грабля мельганзы уске; Матьвинъ гардайс китънинъ как граблясынъть валаьскафтынъсе. Мон мельчкалинъ модемс кардазызынса, ды мези муят? Коромонъть сон залызи пеливешкане; кодак кандызе, цей, гапзи скотенанинъ, а скотенатъпи зиярц сэвезь. От, кум, эряк неень бинтине!

Васинъцисъ. — Те тон, гум, дюният ёфят.

Омбоцесъ. — Я, цей, де авуль васинъ раз. Монъ ульнисъ кардазум удала пентти ярыз, веси Викил гаплизе. Улкы кардайсты лазум юмась. Моленъ, а лазысь уш Викилынъ геца.

Максима и мы пошли смогрѣть гумно. Идемъ мы проулкомъ, а проулкомъ будто кто ужъ проѣзжалъ. Мы стали смогрѣть слѣдъ, ничего не узнаешь. А проѣзжавшій былъ Вакулъ; только появи-лась утренняя заря, онъ запрягъ лошадь и отправился за своимъ собственнымъ кормомъ на гумно.пустилъ онъ лошадь по слѣдамъ проѣзжанымъ ночью, а самъ идетъ за лошадью и тащить за со-бой грабли. Даже слѣды до Матвѣева двора онъ вычистилъ гра-блями. Я хотѣлъ было идти на его дворъ, да что найдешь? Кормъ онъ укралъ въ полночь; какъ принесъ его, чай, кинулъ скотинѣ, а скотина уже съѣла. Вотъ кумъ, живи, въ нынѣшнее время!

Первый. — Это ты, кумъ, чудеса рассказываешь.

Второй. — Да, чай это не въ первый разъ. У меня была по-зади двора куча дровъ, всю переносилъ Вакулъ. Намедни со двора пропала доска. Я пошелъ, а доска ужъ у Вакула.

Ве эрзянь атя ульнись ведун. Сыргась сон звадьбас парцись женихиньть марты невестаньть коламуст. Атяньть ульнись тейтереза. Тейтересь чарькиць атяньть превезэньзы и мере: «тятяй, иля мольть свадьбас; тон беняцямы ломанят; аныцяк женихиньть марты невестаньтинь месьть как улить, кармить тонь ланкс пеньцяма». Атяньть ведувамуньзы эсть кирьдифть; мольць соньценъзы тейтереньть ваксс, токези тейтереньть кутьмирь ланга и мерьць: «а молян, дык а молян». Се токамудыньть мелы кармась тейтереньть кутьмиризы сәредеме. Секи токамудыньть тейтересь кулысь.

Одинъ старикъ эрзякъ былъ колдуномъ. Онъ собрался на свадьбу и задумалъ испортить жениха и невѣсту. У старика была дочь. Дочь догадалась о замыслѣ старика и говоритъ: «батюшка, не ходи на свадьбу; ты человекъ, на котораго жалуются; если только съ женихомъ и невѣстой что-нибудь случится, начнутъ жаловаться на тебя». Колдовскія силы старика не могли сдержаться; онъ подошелъ къ собственной дочери, тронулъ дочь по спинѣ и сказалъ: «не пойду, такъ не пойду». Послѣ этого прикосновенія у той дѣвушки стала болѣть спина. Отъ этого прикосновенія та дѣвушка померла.

Приложенія.

I. Пѣсни, записанныя I. А. Цыбинымъ отъ не Оркинской мордвы.

Аньча поланза а вечксэ,
Аньча вастанза а кельксэ.
Аньчань полаза вишкиня,
Аньчань вастаза апокшкя.
Икилий мацьцый, шяля пры,
Удалуѣ мацьцый, ляпшчава.
— Вай, мон мястинян те поланть марта?
— Вай, кода карман а мон эряма? —
Вянь купьчкинѣва Аньча стякшныкшнысь,
Моря берекс молекшнэсь.
— Вай, вядинь кирьдий, вядь ава,
— Вай, морянь кирьдий, морь ава,

Анюта своего мужа не любить,
Анюта своего мужа не можетъ терпѣть,
Анютинъ мужъ маленькій,
Анютинъ супругъ невеликенькій.
Скраю положить его спать, боится упадѣть,
Назадъ положить его спать, боится задушить.
— Ой, что я буду дѣлать съ этимъ мужемъ?
— Ой, какъ я стану жить? —
Посреди ночки Анюта вставала,
На берегъ моря Анюта приходила.
— Ой, содержащая воду водяная матушка,
— Ой, содержащая море морская матушка,

— Тон листя марын думама,
— Тон листя марын кортама.
— Мон кода тийса те поланьть,
— Мон кода тийса те вастаньть?
— Вай, саинькая ойменза,
— Вай, саинькая соньценза. —
— Вянь куньчкниива ветека,
— Моря вядьнис капка. —

Аньча поланза саизя,
Сур припидя кундызя,
Моря берекс ветезя,
Моря вядьнис каизя.

Записано зимой 1905—1906 г. I. А. Цыбинымъ на оркинскомъ нарѣчїи отъ проѣзжаго мордвина Кузнецкаго уѣзда.

Ванюша поланза а вечксэ,
Ванюша поланза а кельксэ.

— Ты выйди-ка подумать со мной,
— Ты выйди-ка поговорить со мной.
— Я что сдѣлаю съ этимъ мужемъ,
— Я что сдѣлаю съ этимъ супругомъ?
— Ой, возьмите-ка вы его душу,
— Ой, возьмите-ка вы его самого. —
— Посреди ночеьки приведи-ка его (говорять матушки),
— Въ морскую водицу его брось-ка его. —
Анюта взяла своего мужа,
Взяла его за кончики пальцевъ,
Привела его на морской берегъ,
Въ морскую водицу бросила его.

Ванюша не любитъ свою жену,
Ванюша не уважаетъ свою жену.

Васылда неезь сёрмав шекшата,
Малав чаштызь аша килийня.
Киякс кунчкаса повэденъ лавськиза,
Аша сисиянь лавсь лангаксыза,
Пиже рисьминь лавсь ведьменза,
Ярмак пижинь лавсь крюказа.
Сеста-як Ванюша а вечксэ,
Сеста-як Ванюша а кельксэ.
Ванюша думась юмафтумынза,
Ванюша думась оймафтумынза.
Васыла вирьнис ускизя.
Кудув гавув вяляфнись,
Карчувастызя однасумынза.
— А моньдеден беринь ульнись козяйкат. —
Кудув гавув сакшнысь,
Киякс кунчкаса повэденъ лавськиза,

Издали смотрѣть — пестрый дятель,
Близко подойти — бѣлая березка.
Посреди пола повѣшенная ея люлька,
Верхъ у люльки изъ бѣлой кисей,
Ремни у люльки изъ зеленыхъ цѣпочекъ,
Крюкъ у люльки изъ красной мѣди.
Поэтому то Ванюша ея не любитъ,
Поэтому то Ванюша ея не уважаетъ.
Ванюша задумалъ погубить ее,
Ванюша задумалъ убить ее.
Онъ отвезъ ее въ дальній лѣсокъ.
Онъ возвратился домой,
Онъ встрѣтилъ знакомаго.
— А твоя жена была хуже меня. —
Онъ пришелъ домой,
Посреди пола повѣшена ея люлька,

Лавськинть эса цёра тяказа,
Карксамнива ваця поца.
Вачкыдиньзя кафта кеденза,
Пувырдыньзя кяминь сурынза.

Записано I. А. Цыбинымъ на оркинскомъ нарѣчїи отъ про-
ѣзжаго мордвина Кузнецкаго уѣзда осенью 1905 года.

Вяля, вяля, вялиня!
Вялиньть пйса кудыня.
Кудыписынть довеня,
Довань вяхькя цёраза.
Сека цёра тяказа
Мазый Дёмай лямиза.
А полаза Палага
Вя думниса а думя,
Честя ацам а ацэ,
Сэрий прыжскя а путэ,

Въ люлкѣ сынокъ ея,
По поясъ онъ въ калѣ.
Ударилъ онъ свои обѣ руки,
Согнулъ онъ свои десять пальцевъ.

Деревня, деревня, деревушка!
На концѣ деревни избушка,
Въ избушкѣ вдовушка,
У вдовы одинъ сынъ.
Тотъ сынъ дитя ея
Красивый Дементій по имени.
А жена его Пезагея
Одною думушкою не думаетъ,
Мягкой постели не стелеть,
Высокаго изголовья не кладеть,

Лембя¹⁾ чуба а вил'тя.
— Полай, полай, Поляша!
— Мякс вя думса а думат?
— Честя ацам а ацат,
— Сэрий пряхкся а путат.
— Лембя¹⁾ чуба а вил'тят? —
— Полай, полай, Дёмаша,
— Тон юмафтыкь шкинъ авкат,
— Тон юмафтыкь тринъ авкат,
— Сеста карман зряма,
— Сеста карман думама,
— Честя ацам ацама,
— Сэрий пряхкся путума,
— Лембя¹⁾ чубанъ вил'тяма. —
— Кода юмафца шкинъ авкам!?
— Кода юмафца тринъ авкам!?

1) Въ записи: лембя.

Теплою шубою не покрываетъ.
— Жена, жена, Пелагеюшка!
— Отчего ты не думаешь одною думой?
— Не стелешь мягкой постели,
— Не кладешь высокого изголовья,
— Теплою шубою не покрываешь? —
— Муженекъ, муженекъ, Дёмушка,
— Ты погуби твою кормилицу матушку,
— Ты погуби твою кормилицу матушку,
— Тогда я стану жить,
— Тогда я стану думать,
— Стлатъ мягкую постель,
— Класть высокое изголовье,
— Покрывать теплою шубою. —
— Какъ я погублю мою кормилицу матушку!?
— Какъ я погублю мою кормилицу матушку!?

— Потень аша лофцэнза,
— Сэвинь тюжа оенза,
— Маштынъ сядий винза. —
— Авай, авай, авакай!
— Васыла вирьца лёмзер'т чачцьть,
— Васыла вирьца пешня чачцьть. —
— Илямак маньча, Дёмаша,
— Лёмзер'т чачьтъ вядь кувалма,
— Пешня чачьтъ рошчава. —

Тиринь авканза ускизя
И сэрий вирьц юмафтызя,
И кармасть позанза мар'та
Вя думниса думама.

Записано Г. А. Цыбинымъ на оркинскомъ нарѣчїи отъ про-
ѣзжаго мордвина Кузнецкаго уѣзда осенью 1905 года.

— Я сосалъ ея бѣлое молоко,
— Я ѣлъ ея желтое сало,
— Я уничтожалъ ея сердечную силу. —
— Матушка, матушка, маменька!
— Въ далекомъ лѣсу уродилась черемуха,
— Въ далекомъ лѣсу уродились орѣхи. —
— Не обманывай меня, Дёмушка,
— Черемуха родится вдоль воды,
— Орѣхи родятся въ рощахъ. —
Онъ повезъ кормилицу матушку
И погубилъ ее въ высокомъ лѣсу,
И стали они съ женой
Думать одною думой.

Ср. Сухокарб.

— Чыяфтыкая, матушкам, Анушань. —
— А чыяфца, сватушкам, Анушань. —
Чыяфтызя матушкам Анушань,
Кшитъ паня Ануша, кацацят,
Бозэня тья Ануша — чан пива,
Брага тья Ануша — чан вина.
Покшесь киялысь Анушань душманьсь,
Покшесь киялысь Анушань злодеесь,
Авафыньть парьцта парычыньть салызя,
Анушань парачыс парачыньть вачкизя.
Авафысь фатякшнысь парьцта парачыньти.
— Урьват урьват, васькамнить,
— Кона сайзя монь парьцта парачыньть,
— Кона сайзя монь парьцта улячыньть? —
Анушань парьцта парычыньть муизя.
— Кярjak пянъгянить, ушт пси баня.

— Просватай-ка, матушка, Анюту. —
— Не просватаю, сватушка, Анюту. —
Просватала матушка Анюту,
Хлѣбы печеть Анюта — калачи,
Бозъ готовить Анюта — чанъ пива,
Брагу готовить Анюта — чанъ вина.
Старшая сноха Анютина лиходѣйка,
Старшая сноха Анютина злодѣйка,
Изъ кадушки свекрови украла имущество,
Въ Анютины вещи наложила то имущество.
Свекровь хватилась имущества въ кадушкѣ.
— Снохи снохи, нѣженки,
— Кто взялъ изъ моей кадушки имущество,
— Кто взялъ изъ моей кадушки добро? —
У Анушки въ кадушкѣ нашла она имущество.
— Наруби дровъ, вытони горячую баню¹⁾,

1) Говорить Анюта своему мужу.

- Васья парян пси баняса,
- Мйяля юмафца эсь примимь. —
- Полай, полай, Ануша,
- Иляк юмафт тон принит,
- Козма годнэть сивидян алянинь. —
- Иля сивитть монь гиса,
- Мон эсь примимь юмафца. —

Записано I. А. Цыбинымъ на оркинскомъ нарѣчїи отъ про-
ѣзжаго мордвина Кузнецкаго уѣзда осенью 1905 года.

Уляша.

- Вялень¹⁾ сѹдія, ошень судія Уляшань атяфысь.
Татарь марта Уляша совѣтась,
Татарь марта Уляша дружкашнысь.
— Алянимь²⁾ татаризъ, кѹрнемемъ³⁾ татаризъ,
— Зярда тутѹда, зярда явѹда?

Чит. 1) Вялинь, 2) Алянинь, 3) корьменемъ.

-
- Сначала я попарюсь въ горячей банѣ,
  - Потомъ погублю свою головушку. —
  - Женушка, женушка, Анюта,
  - Не губи своей головушки,
  - На три годочка я наймусь къ тестю. —
  - Не нанимайся изъ за меня,
  - Я погублю свою головушку. —

-
- Общественный судья, мірской судья—Уляшинь свѣкорь.
Съ татаринѹмъ Уляша совѣтовалась,
Съ татаринѹмъ Уляша дружилась.
— Дяденька татаринь, кормилецъ татаринь (?),
— Когда уйдете, когда разстанетесь?

- Сѣимизь мѡньсакъ¹⁾ мѣртынкъ. —
- Салѣкъ Уляша, какжалѣть сѣда вѣлкѣ ярмѣкъ,
- Атяфѣть — кѣвта сѣтдѣ²⁾. —
- Сѣимизь, алѣнимъ³⁾ татарнѣ, мѡньгѣкъ тынѣкъ⁴⁾ мѣрта. —
- Васнѣ салѣтъ⁵⁾ вѣльмѣнѣ сѣрьца⁶⁾ ацѣмытъ⁷⁾,
- Лавцѣнѣ сѣрьца⁸⁾, Уляша, тодѣвытъ. —
- А салѣвитѣ, алѣнимъ³⁾ татарнѣ, ацѣмыкъ⁷⁾:
- Ашѣ⁸⁾ боѣръ мирдѣмъ⁹⁾,
- Боѣръ-лявксѣ тѣранемъ¹⁰⁾ дѣкамъ
- Удѣтъ таркѣса.
- Зѣрда тутѣда, алѣнимъ¹¹⁾ татарнѣ,
- Зѣрда явдѣда, корѣменемъ¹²⁾ татарнѣ? —
- Сы пятѣста¹³⁾, сы субѣтѣста¹⁴⁾, Уляша, тутѣда.
- Сѣимизь, алѣнимъ¹⁵⁾, тынѣ мѡньгѣкъ тынѣкъ¹⁶⁾ мѣрта.
- Конѣ кѣявѣнѣтъ тутѣда, конѣ кѣявѣнѣтъ явдѣда? —

Чит. 1) мѡньгѣкъ, 2) кѣфта сѣтѣ, 3) алѣнинѣ, 4) тынѣкъ, 5) салѣтъ, 6) сѣрца, 7) ацѣмытъ, 8) аша (аша), 9) мирдѣмъ, 10) пѣрѣнемъ, 11) алѣнинѣ, 12) корѣмѣнѣ, 13) пятѣста, 14) субѣтаста, 15) алѣнинѣ, 16) тынѣкъ.

-
- Берите меня съ собой. —
  - Укради, Уляша, у деверя сто рублей денегъ,
  - У свекора — двѣсти. —
  - Возьмите, дяденька татаринѣ (?), и меня съ собой. —
  - Сперва укради выше окна постель,
  - Съ полку выпинной, Уляша, подушки. —
  - Не украдешь, дяденька татаринѣ (?), постелю:
  - Бѣлый баринѣ — мужъ,
  - Барченокъ сынѣ — ребенокъ
  - Спятъ на постели.
  - Когда уйдете, дяденька татаринѣ (?),
  - Когда разстанетесь, кормилецъ татаринѣ (?)? —
  - Въ будущую пятницу, въ будущую субботу, Уляша, уйдемъ.
  - Возьмите, дяденька (?), и меня съ собой.
  - Которой дорогой пойдете, которой дорогой разстанетесь (?)?

— Тайный кйва, Уляша, тутана,
— Ясля кйваныть, Уляша, явдана. —
Сайкшнызь Уляшань гусартнэ марысть,
Ясля кйныть татарнэ молёкшность.
Ки ви бокавъ алашастъ татарнэ пёрыгавтызь.
Вййке татарнысь карьскить понцё,
Омбёце татарнысь пильныть¹⁾ човя.
— Мйзынинь, алынимъ, карьскитьнинь понцёсезь²⁾?
— Мйзынинь, алынимъ³⁾, пйильтънинь човасынькъ?
— Карьскитьнинь — тонь пйлыгитъ сюлмысымъ⁴⁾,
— Пйильтънинь — тонь кыргать пйчкимъ.
— Мясъ монь, алынимъ⁵⁾ татарнэ, пйчксамизь?
— Мясъ монь, алынимъ⁵⁾, сгубасамизъ?
— Мясъ тонъ, Уляша, кадъкъ⁶⁾ аша бойръ полать,
— Бойръ лйвкъсъ тёрань⁷⁾ дякать?

Чит. 1) пйильныть, 2) понцёсезь, 3) алынимъ, 4) сюлмысымъ, 5) алынимъ,
6) кадъкъ, 7) цёрань.

— Тайной дорогой, Уляша, уйдемъ,
— Въ ясляхъ дороги, Уляша, разстанемся. —
Взяли Уляшу гусары съ собой,
До яслей дороги татары дошли,
Около дороги лошадку татары выпрягли.
Одинъ татаринъ веревки виль,
Другой татаринъ ножикъ точиль.
— Зачёмъ, дяденька, веревки вьешь?
— Зачёмъ, дяденька, ножикъ точишь? —
— Веревочками — твои ноги связывать,
— Ножикъ — тебѣ горло рѣзать. —
— Зачёмъ меня, дяденька татаринъ, зарѣжете?
— Зачёмъ меня, дяденька, сгубите? —
— Зачёмъ ты, Уляша, оставила бѣлаго барина мужа,
— Барченка сына ребенка?

— Сѣксъ¹⁾ тонь, Уляша, пѣктядызь.

Якстирь вѣринза ясля кѣва нѣдызь²⁾,

Сань⁴⁾ качамъ⁵⁾ ойменза Уляшань мянѣливъ³⁾ нѣдызь²⁾.

Записано учителемъ с. Оркина Ложкинымъ въ 1904 году.

Машуня.

Пирѣ удѣлга Машуня вастъ вѣннисъ,

Вѣннисъ, вѣннисъ Машуня, ѣсть муйвъ⁶⁾.

Полѣнннза⁷⁾ Машуня вастѣиза.

— Дай-ка, полѣй, пирѣннѣть⁸⁾ чавсѣса. —

Чавсѣсь, чавсѣсь Машуня, полѣза матѣдивъ⁹⁾.

Торгѣсь¹⁰⁾ пѣиль Машуня; полѣнза пѣчкизѣ.

Вѣть пѣльгинза Машуня юкснѣннѣзѣ¹¹⁾,

Вѣть кѣрьскинза Машуня таргѣизѣ.

Чит. 1) Сексъ, 2) нѣдзъ, 3) мянѣливъ, 4) сань, 5) качамкъ, 6) муйвъ, 7) полѣнннза, 8) пирѣннѣть, 9) матѣдивъ, 10) таргасъ, 11) юкснѣизѣ.

— За это тебя, Уляша, зарѣжемъ. —

Красную кровь въ ясляхъ дороги пустили.

Какъ синѣй огонекъ, душу Уляши къ небесамъ пустили.

Переводъ сдѣланъ г. Ложкинымъ.

Ср. Орк.

За гумнами Машуня телятъ искала,

Искала, искала Машуня, не нашла.

Муженька своего Машуня встрѣтила.

— Дай-ка, муженекъ, въ головѣ поинцу. —

Искала, искала, Машуня, муженекъ уснулъ.

Вынула ножикъ Машуня, мужа зарѣзала.

Правую ножку (?) Машуня разула,

Правую обору Машуня вынула.

Полантъ кыргазъ¹⁾ Машуна килькицизъ.
Килй алувъ Машуна полантъ ускйзъ,
Сёксе²⁾ лопаса Машуна вильгизъ.
Ки неезъ Машунянь — рядйзъ?
Семень татаръ Машунянь неезъ,
Семень татаръ Машунянь рядйзъ.
— Мйксъ, Машуна, руцѣ полнётъ³⁾ вѣрийни?
— Мйксъ, Машуна, каръ-пиривѣтъ⁴⁾ цургавтъ? —
— Чѣнь, чѣнь⁵⁾, Семень татаръ, — пұпырдинъ,
— Кұргынъ-чаманъ⁶⁾, Семень татаръ, тапавкынысть,
— Руцѣ полнётъ³⁾, Семень татаръ, вѣриясь,
— Каръ-пиринимъ⁷⁾, Семень татаръ, цургавкынысть. —
— Иля кѣнгеля, Машуна, монъ⁸⁾ эйса:
— Монъсь⁹⁾ неётень — рядитень¹⁰⁾.
— Мйксъ, Машуна, ползѣтъ пйчкинь¹¹⁾?

Чит. 1) кыргасъ, 2) сёкса (сёкси), 3) полнѣтъ, 4) пиривитъ, 5) чѣнь чѣнь, 6) Кургынъ чаманъ, 7) пиринитъ, 8) монъ, 9) монъць, 10) рядитинъ, 11) пйчкикъ.

Мужу на шею Машуна захлестнула,
Подъ березу Машуна мужа стащила.
Осенней листвою Машуна покрыла.
Кто видѣлъ Машуно — выслѣдилъ?
Семень татаринъ Машуно увидалъ,
Семень татаринъ Машуно выслѣдилъ.
— Зачѣмъ, Машуна, у тебя у шушпана полы въ крови?
— Зачѣмъ, Машуна, голова лаптя забрызгана? —
— Бѣжала, бѣжала, Семень татаринъ, спотыкнулась,
— Морду-лицо (?), Семень татаринъ, разбила,
— У шушпана полы, Семень татаринъ, окровянила,
— Лапти мои, Семень татаринъ, забрызгала. —
— Не обманывай, Машуна, меня:
— Самъ я видѣлъ, выслѣдилъ.
— Зачѣмъ, Машуна, мужа зарѣзала?

- Миксъ, Машуни, килй алувъ полать ускыкъ¹⁾?
— Миксъ, Машуни, сёксь²⁾ лопаса полать вяльтикъ³⁾?—
— Иля ёвтѧ, Семень татарнѧ, бабѧнть,
— Бабѧсь ёвтѧ⁴⁾, Семень татарнѧ, атѧнти,
— Атѧсь ёвтѧ начальникнинь,
— Начальниктъ⁵⁾ мой⁶⁾ сѧйсамизъ судьянинь. —

Записано учителемъ с. Оркина Ложкинымъ въ 1904 году.

Изъ рукописи Имп. Академіи Наукъ № 50, aa. Al. Wald, Die Mordwinen (1849 г.), стр. 201—202.

Lúšai Lúšina, wéškinä Lúšina!
Mázi Lúšina!
Awánze pótsó kortáma kármas:
Mon kásinderán,

Чит. 1) ускыкъ, 2) сёксь, 3) вяльтикъ, 4) ёвтѧ, 5) начальниктъ, 6) мой.

- Зачѣмъ, Машуни, подъ березу мужа стащила?
— Зачѣмъ, Машуни, осенней листвою мужа покрыла? —
— Не сказывай, Семень татаринъ, свекрови:
— Свекровь скажетъ, Семень татаринъ, свекру,
— Свекоръ скажетъ начальникамъ,
— Начальство меня возьметъ къ судьямъ. —

Переводъ сдѣланъ г. Ложкинымъ.

Ср. Орк.

Uebersetzung.

Luschai Luschai, kleine Luschina!
Schöne Luschina!
In dem Mutterleibe spricht das Kind,
Hält die Mutter von der Arbeit ab¹⁾:

1) Ошибочный переводъ; слѣдуетъ: Если я вырасту.

Awánin awái améran!
Tátánin tátái améran!
Tátái awánin¹⁾ síris súka!
Tátánin méran síris kiska. —
Čilísima léntaza,
Pálzoren Lúšenem fátaza.
Wári tášna plaštánza,
Máke twéti rucanza,
Máke páněna rúcardstánza,
Máke lopátna palánza.

---

1) Чт. Awánin méran.

Mutter werd' ich dich nicht nennen,
Und den Vater auch nicht nennen.
Alten Schelm¹⁾ werd' ich die Mutter nennen,
Alten Hund werd' ich den Vater heissen. —
Wie ein Sonnchen ist der Kopfputz,
Und das Seiden-Tuch wie rothes Feuer.
Wie die Stern' am Himmel sind die Knöpfe,
Wie die Mohnblumen ist der rothe Brustlatz;
Wie Mohnblätter ist das Sonntagshemdchen.

Ср. Орк. и Сухокарб.

---

1) Слѣдуетъ: Старой суккой.